

**ЮЛИЯ
РЕЗНИК**

ТИТАНОВЫЙ КОРОЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Титановый король

«Автор»

2026

Резник Ю.

Титановый король / Ю. Резник — «Автор», 2026

Мне двадцать три, но моя жизнь закончена. Хотя как-то двигаться дальше меня заставляет лишь ответственность за сыновей моей погибшей девушки. Но теперь я могу потерять и их. Существует лишь один шанс не допустить этого обратиться за помощью к той, кто точно сможет решить все мои проблемы. Какой ценой? Да без разницы. Тому, у кого ничего не осталось, терять тоже нечего.

© Резник Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Резник

Титановый король

Глава 1

Дина

Мое дыхание обрывается ровно в тот момент, когда пальцы красавчика-массажиста перемещаются под ягодичные складки. Тепло, что зародилось в теле еще с полчаса назад, вспыхивает огнем и превращает кровь в раскаленную лаву. Мне, наверное, стоит возмутиться. Сказать что-то вроде: «Ты ничего не попутал, мальчик?». Но язык вязнет – во рту сухо, а сердце в клети ребер берет такой разгон, что его удары отзываются в горле. Я затаиваюсь, как учуявший неладное зверь, и почти не дышу...

Сильные руки чутко улавливают охватившее меня напряжение. Красавчик возвращается к моим окаменевшим плечам. Уверенными движениями вновь начинает разминать мышцы. И вдруг, наклонившись чуть ниже, негромко интересуется:

– Все нормально?

Нет... Я ежусь. На коже выступают мурашки. Голос у него шершавый, как кора двухсот-летнего дуба, что растет у меня на участке. Иногда я сижу под ним, запрокинув голову к богатой узорчатой кроне, сквозь которую не без труда пробиваются слепящие пятна света, и, слившись с исполинским стволом спиной, ощущаю то же самое, что теперь. Как мою кожу слегка царапают...

– Угу... – только и могу из себя выдавить.

– Вот и хорошо.

У парня свежее дыхание. И ненавязчивый нейтральный парфюм. Специалистам, которые так близко контактируют с людьми, не положено что-то более резкое. Да и не надо. Его аромат и так оседает на моих сверхчувствительных рецепторах. Черте что. Права была Светка, когда сказала, что мне нужно обзавестись любовником. Хотя бы, чтобы не попадать в вот такие идиотские ситуации. Когда я сама себе кажусь жалкой.

Чтобы успокоиться, дышу размеренно. Вдыхаю носом, выдыхаю ртом. Медитация помогает. Или это руки красавчика снова заставляют мое тело расслабиться... Косточки превращаются в холодец. Понятия не имею, как буду слезать со стола. Это правда очень хорошо. Отпускаю контроль, позволяя себе насладиться происходящим по полной. Время неумолимо движется вперед, и совсем скоро сеанс массажа закончится. Когда точно – я понятия не имею. Часов на полу, куда устремлен мой взгляд, нет. Но по тому, как сместились полосы света, проникающие сквозь жалюзи, я могу судить, что кайфовать мне осталось недолго. И потому я потерявшейся кошкой лну к чужим рукам.

Красавчик разминает мне поясницу. О, да. С моих губ срывается хриплый стон. Ему вторит пренебрежительное мужское хмыканье. Я чувствую, как щеки обдаёт жаром. Становится ужасно неловко. Я могу ошибаться, но разве массажисту не стоит быть более сдержанным? Интересно, что он себе надумал? А впрочем, какое мне до этого дело? Скорей всего, мы больше никогда не встретимся. Я здесь и оказалась лишь потому, что сертификат в SPA мне на день рождения подарила подруга. Светка не соврала – здесь действительно шикарно, но это неважно, я все равно сюда не вернусь. Просто потому что не люблю выбираться из своего кокона.

Пока я лениво гоняю по кругу мысли, пальцы массажиста снова смещаются и проходят в опасной близости от кромки идиотских одноразовых трусиков. Их выдают в местах вроде

этого в комплекте с халатом и шапочкой для душа. Я медленно сглатываю пульсирующее в горле сердце. Умелые руки красавчика на миг замирают. Едва касаясь, поглаживают кожу на внутренней стороне бедра и неспешно продвигаются дальше...

Господи, что он делает? А я... что? Надо непременно его остановить. Какого черта он вообще себе позволяет?

Меня бросает в пот. Пот собирается над губой, на висках и в подмышках. Массажист обхватывает полушария моих ягодиц ладонями, а большими пальцами отодвигает трусики в сторону.

И тут я подсакиваю. Сажусь, прижав к груди чертово полотенце, потому что орать, сидя перед ним голой, глупо.

– Это что сейчас было? Ты вылететь отсюда захотел, да? Так я это устрою.

Меня слегка потряхивает. И все бы ничего... Да только трясет меня вовсе не от праведного гнева, как это должно бы, а скорей от собственной же неудовлетворённости. Напряженные мышцы, не получив своего, яростно сжимают пустоту. И где-то на краю сознания зудит пугающая мыслишка: а если бы я позволила, м-м-м? Ну, что бы от меня – убыло? Вряд ли.

– Извините, – красавчик в примирительном жесте выставляет перед собой ладони. Пальцы у него длинные, на руках неожиданные мозоли, запястья по-мужички широкие. Я как идиотка пялюсь на эти руки, вместо того, чтобы поставить извращенца на место. Влепить ему пощёчину. А еще лучше вызвать директора и все рассказать...

– Извините? – перекирляю, не в силах затолкать назад проснувшуюся в себе стерву. – Знаешь куда ты можешь засунуть свои извинения?

Все мое напускное спокойствие идет дырами, бежит стрелками, как прохудившиеся колготки. Я вскакиваю со стола, шагаю к нему, не имея совершенно никакого плана, что делать дальше. Чувствую себя лающей на слона Моской. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Он высок. И действительно очень красив. Это только еще сильнее меня бесит. Я ничего подобного не ощущала сто лет! А теперь... вот. И главное, кто виноват в случившемся? Массажист, которого я в первый раз вижу! Делаю решительный шаг и будто с разбега наталкиваюсь на его равнодушный взгляд исподлобья.

– Боюсь, вышло какое-то недоразумение. Вы в курсе, на какую услугу записались? – мертвым, без тени эмоций голосом интересуется парень.

– Конечно! – вздергиваю подбородок я. – На массаж.

– Интимный массаж, – так же ровно уточняет он.

– Что? – моя челюсть медленно отъезжает вниз. – Ты... Вы же сейчас шутите, правда?

– Нет. Но я приношу извинения от имени компании за случившееся недопонимание. Сотрудники рецепции должны были донести до вас полную информацию об услуге.

Мы впервые так близко, что я со своим сильно подсевшим за последнее время зрением могу рассмотреть его бейдж. Зовут парня Федор.

– Они не виноваты. Это был... подарок. И если кого винить, так это мою подругу.

По крайней мере, это я должна признать. В ответ на мои слова Федор равнодушно пожимает плечами. Плечи у него богатырские. Тугие бицепсы, натягивающие ткань белой медицинской формы с голубой, в тон его льдистых глаз, выстрочкой. Интересно, а он с таким же каменным лицом ласкал бы меня между ног?

Это какой-то сюр... Мне делал интимный массаж ряженный. Как те стриптизёры, что переодеваются в пожарных или ковбоев. Остается только надеяться, что в процессе горе-доктор не сместил мне парочку дисков. Кости – то небольшое, что во мне еще остается целым.

– У тебя хоть диплом есть? Мне за спину уже начинать волноваться, или обойдется? – уточняю, потянувшись к халату. Все это время тот висел на вешалке справа от стола. А я совершенно о нем забыла, иначе бы надела сразу и не расхаживала перед массажистом в чем

мать родила. Пусть ему не привыкать, самой мне неловко. Не считая нужным скрывать, что чувствую, я брезгливо морщусь.

– Диплом есть. И пять лет медицинского. – Красавчик открывает кран, намыливает руки и принимается мыться, как хирург перед операцией. Меня это какого-то лешего задевает. Хотя... мало ли кто к нему приходит за своей порцией удовольствия. Может, оно и к лучшему. По крайней мере, я могу быть спокойна за свое здоровье.

– А на последний год тебя не хватило? Или ты вдруг почувствовал, что твое призвание – интимный массаж? – язвительно интересуюсь я, затянув поясок на халате. Спина Федора каменеет. Я прикусываю язык. Светка говорит, что я одичала, и, наверное, в ее словах есть доля правды. Неудивительно, что красавчик ничего мне не отвечает. А перед тем как выйти, бросает лишь:

– Скажу, чтобы вам принесли чай.

Чай... Нес бы уже что покрепче!

Ну, Светка, ну, удружила! Быстро одеваюсь и выхожу за дверь. Чая закономерно не хочется. Светка дожидается меня в шикарном холле, где никого кроме нас нет. Возможно, так сделано специально, чтобы прибегнувшие к интимному массажу клиенты не испытывали неловкости.

– Я тебя убью! – выдаю с порога.

– Еще скажи, что тебе не понравилось! – хохочет эта дурочка.

– Ты в своем уме?! Конечно, нет! Как тебе такое в голову пришло... – ругаюсь я. – Постой, а ты что... пробовала? Этого... Как его? Федора.

Не понимаю, откуда берется тянущее за грудиной чувство ревности. Я открываю шкаф, где висит моя куртка, не глядя на Светку, просовываю руки в рукава. Пальцы слегка дрожат. Какой же дурацкий день... Тридцать первый день моего рождения.

– Скажешь тоже. Конечно, нет! У меня же Паша... И свою разрядку я получаю вполне традиционным способом, – смеется Светка.

– Не смешно! – рявкаю я. – О таком предупреждать надо. Или хотя бы поинтересоваться, оно мне надо?!

– А то так не видно, Дин! Ты ж еще немного и начнешь на всех бросаться от недотраха. – Авдеева, как всегда, рубит правду-матку. Я ее страшно люблю именно за эту редкую сейчас искренность.

– Сомневаешься, что я найду мужика, если захочу потрахаться? Вот, как ты обо мне думаешь?

– Эй... Дин, ты чего? – Светка удивленно хлопает ресницами. Сцепив зубы, я обхожу ее и толкаю входную дверь. Авдеева бежит за мной. – Я же хотела как лучше. А он что... он совсем-совсем тебе не понравился? Такой красавчик, да если бы не Пашка, я бы к нему каждый день ходила, вот... Ну и если бы ты мне зарплату повысила, – добавляет, – ценник за эту услугу – умереть и не встать, знаешь ли.

Я не останавливаюсь. Интересно, сколько клиенток проходит через руки Федора в день? Три? Четыре? А может, и того больше? Ну и хрень же лезет мне в голову!

– Ты поставила меня в идиотское положение. Я-то не знала, что меня ждет. Поэтому...

– Ты поставила в идиотское положение массажиста? – хихикает Светка. Гляжу на нее из-под насупленных бровей. – Ну не злись. Ты бы иначе не согласилась. А так был шанс, что он тебя... хм... убедит. – И тут же с любопытством: – Не вышло?

Часы на руке сигнализируют о том, что мне следует принять лекарства. Я прикидываю расстояние до своей припаркованной машины. Идти всего ничего, но мои руки машинально тянутся к аптечке, словно я тут же рухну замертво, если не приму свои пилюли тотчас. Это не так. Не рухну... Но человеческие страхи мало поддаются логике.

– Я же сказала! Ничего у нас не было.

– А у вас и не должно было быть. Исключительно у тебя... Разрядка.

– Я что, правда на людей бросаюсь? – кошусь на Светку. Ветер подхватывает мои обкорнанные волосы, после операции прошел почти год, а они все никак не отрастут.

– Да от тебя все наши мужики стонут! От охранника на проходной до Куницына.

Куницын – генеральный директор одного из принадлежащих мне заводов. Матерый такой мужик, отличный профессионал. Уж если я и его задрала, мои дела совсем плохи.

– Учту, – киваю, ставлю сумку на пассажирское сиденье, сама ныряю на водительское. Один пузырек, другой, третий, блистеры... Всего десять таблеток. Утром и вечером чуть побольше.

– Не забудь, что в семь мы тебя ждем в Нигора. У них потрясающее диетическое меню. Ничего вредного, ничего острого...

– Ничего вкусного, – заканчиваю за подругу. На этот раз обычно задорный Светкин смех звучит натянуто.

– А хочешь, я закажу то же, что и ты?

– Это еще зачем? Чтобы никто из нас не получил удовольствия? – удивляюсь. Хочется домой, в свою раковину, но машина еще не прогрелась, а Светка, пользуясь этим, продолжает надоедать.

– Это ужасно несправедливо!

– Что?

– То, что тебе этих самых радостей осталось так мало! А доступные ты сама какого-то фи́га игноришь!

Боже, она опять об этом?! Я закатываю глаза и меняю тему:

– Я приеду. Говоришь, в семь?

– Ага. Так ты точно не хочешь закатить грандиозную вечеринку?

Для меня поход в любое многолюдное место – подвиг. И испытание для здоровья. Так что... Нет. Я не хочу. Качаю головой. К счастью, от дальнейших пререканий с подругой меня избавляет звонок телефона. За год моей новой жизни тот звонит все реже, но в день рождения обо мне вспоминают даже те, кто давно забыл... Кошусь на экран и сильнее стискиваю на руле пальцы.

– Не хочешь ответить? – удивляется Авдеева.

– Нет. Это Гарипов.

Глаза Светки комично округляются.

– Надо же! Не забыл. Хочешь, я этому мудаку за тебя отвечу?! Давай! Я все этой падле скажу...

И снова я качаю головой. Нет, не надо. Ответить по-хорошему следует мне. Но я не склонна к мазохизму. Не хочу проворачивать нож, воткнутый в мое сердце. Ведь если тот не трогать, порой даже кажется, что его там и вовсе нет.

Глава 2

Дина

Дождь начинается еще в дороге. И без того серый промышленный город выцветает как будто полностью. Сейчас он так похож на меня... Серую, неказистую. Гляжу на себя в зеркало заднего вида. Да, ничего особенного. Знала бы, что после операции мне ничего нельзя будет поменять, может, успела бы сделать какой-нибудь модный тюнинг. А так казалось, куда спешить? Да и зачем? Если все у меня хорошо. И вообще, и в личном...

Мысли о личном напрягают. Сковывают расслабленные недавним массажем мышцы. Сама того не замечая, я сбрасываю скорость. Едущим следом машинам приходится идти на обгон. Но никто не решается меня обсигналить. Побаиваются. Моя тачка такая одна в целом городе. Всем понятно, кто за рулем.

Немного приоткрываю окно. Просовываю в образовавшуюся щель ладонь. Разгоряченная кожа покрывается холодной осенней моросью, и так, через руку, я будто вся ей напитываюсь. Мимо проносятся промзона, склады, заводские трубы, линии электропередач прошиваются проводами серое небо и, удаляясь в перспективу, делаются все меньше. Столько деталей, а глазу не за что зацепиться. То ли дело за городом. Там все намного красивей. Серебристое извивающееся тело реки, внушительные горы, окружающие живописное озеро, которое летом иногда даже прогревается до приемлемых температур. Тогда, нарушая мой покой смехом, пьяными разговорами о жизни и дерьмовой музыкой, из города подтягиваются толпы народа. Но осенью вокруг почти никого. Лишь иногда пикники устраивают.

Сворачиваю с трассы, проезжаю еще километров пятнадцать, и вот, наконец, он... Мой дом. Дом стоит на сваях. Черный металл и дерево. Шикарный скандинавский дизайн, огромные, выходящие на воду и горы окна... Я обожаю здесь все. Но иногда... Иногда я чересчур остро ощущаю в нем свое одиночество.

Я ставлю машину в гараж и выхожу. Над головой тут же возникает большой черный зонтик.

– Спасибо, – киваю охраннику. Если я отстояла свое право самостоятельно передвигаться по городу, то тут к СБшникам все же пришлось прислушаться. Жить одной так далеко от цивилизации страшно. Город у нас суровый. Кругом полно тюрем. – Я часов в шесть опять отъеду. – Предупреждаю, потому как это положено. Охранник кивает. В сумке вновь коротко тренькает телефон. Я тянусь к кармашку, захожу в заботливо приоткрытые двери, скидываю лоферы. Одной рукой расстегиваю пальто, другой – разблокирую экран. Он? Или не он? Он все же... Ну, да и черт с ним. Хуже этот день вряд ли станет.

– Алло!

– Дина... Привет. Я... – видно, Гарипов не ожидал, что я все-таки отвечу. В трубке повисает пауза. – Я хотел поздравить тебя с днем рождения, – наконец, через силу выдавливает он. И этот до боли знакомый голос до сих пор будто тянет меня за кишки.

– Спасибо.

Если бы все мои чувства не поглотила боль, я бы, может, посочувствовала Рустаму. Он ведь не совсем пропащий. Даже, можно сказать, совестливый. Уверена, решение бросить меня в самый сложный, самый страшный период жизни далось ему весьма нелегко. Ага, в муках прямо-таки... Хмыкаю. И прислоняюсь лбом к теплой деревянной панели, которыми, по моему незатейливому вкусу, декорирован коридор.

– Э-м-м... – протягивает Гарипов. – Как ты себя чувствуешь?

С тех пор, как мне провели операцию по трансплантации печени, девяносто девять процентов моих знакомых начинают разговор именно с этого опостылевшего вопроса. А ведь я

больше не умираю и веду вполне обычную жизнь. Даже могу родить, если захочется. Тогда как Рустамчик боялся остаться со мной бездетным. И вроде как этот довод стал для него решающим. А там, кто знает?

– Нормально, – удивленно замечаю я. – А что такое?

– Нет-нет, ничего... Просто... Как ты?

Какой бессмысленный и, тем не менее, изматывающий разговор. Что сказать? «Я жива? И почти здорова? Зря ты меня хоронил?» Ну, нет... Это прозвучит упреком. А мы же, мать его, не быдло какое-то, а вполне цивилизованные люди. Я – так вообще даже скандал не стала закатывать, когда узнала, что он, пока я по реанимациям... хм, очень быстро нашел с кем утешиться. Тогда главным мне казалось, что я осталась жива. Боль от предательства пришла потом, с выздоровлением.

– Да нормально, слушай... Вот из СПА приехала. Ты не был? На Кузнецкой. Прямо очень рекомендую. А теперь собираюсь на вечеринку. Светка устраивает. Если хочешь, приходи, – накидываю, зная, что он никогда не согласится. Так, дурачусь, чтобы Рустам чего доброго не подумал, будто мне до сих пор есть до него дело.

– Нет, я не могу. Она же меня ненавидит.

– Кто? Светка? А что, есть повод? – кошу я под дурочку, и от моей цивилизованности не остается следа. Ее налет сметает бурлящим потоком желчи.

– Ну, зачем ты так? – голос Гарипова прямо-таки сочится показным сожалением.

– А ты? Господи, Рус, столько времени прошло. У меня совсем другая жизнь. Другой мужик, в конце концов...

– И что? Твой мужик не будет против, если я заявлюсь?

– Он понимает, что наша история в прошлом.

«Какой другой мужик, Дина? Вымышленный?» – усмехается внутренний голос. А другой ему отвечает: – «А если и так! Гарипов этого никогда не узнает. Просто потому что ему не хватит яиц прийти и проверить мои слова».

– Нет. Я... может, как-то в другой раз поужинаем, без свидетелей. Поболтаем...

– Ну, смотри, как знаешь. Ох ты ж черт! Извини, мне давно пора собираться.

– Конечно-конечно. Еще раз с днем рождения.

Я отбиваю вызов, чтобы не слушать короткие гудки. Откладываю телефон, смотрю на свои дрожащие руки. Мы не общались... сколько? Месяцев восемь. Не надо было и начинать.

Поднимаюсь к себе, хлопаю дверью спальни. Застываю у панорамного окна, выходящего на озеро с громоздящимися за ним горными хребтами, по случаю осени убранными в золото и багрянец. Рука привычно ложится на живот. Но стоит мне осознать этот жест, как она тут же, будто обжегшись, отдергивается и повисает вдоль тела плетью. Об этом я вообще не могу вспоминать... И не думаю, что смогу когда-то. Время ни черта не лечит. Люди безжалостно врут.

Чтобы окончательно не раскиснуть, включаю комедию, которая нравилась мне в прошлой жизни. Потом долго выбираю наряд. Дело это довольно сложное. Старые вещи мне велики, а новых, подходящих случаю, нет. Максимум на что меня хватало в плане шопинга – так это на заказ каких-то футболок и джинсов через интернет.

Наконец, мой выбор падает на маленькое черное платье, которое даже теперь неплохо на меня садится. Наряд оставляет открытыми ноги, те, на мой вкус, стали уж слишком тощими, но что теперь? Укладываю короткое каре аккуратной шапочкой. Наношу макияж. Диоровская тушь засохла. Приходится в нее поплевать. Образ завершает красная помада. Возможно, на пухлых губах она смотрелась бы лучше, но... Чего нет, того нет. Сую ноги в туфли на высокой шпильке. Даже интересно, не разучилась ли я на таких ходить? Неудобно – жуть. Но раз уж я решила прихорошиться, придется терпеть.

В ресторан приезжаю с десятиминутным опозданием. За столиком у окна как раз рассаживаются все наши. Друзей у меня осталось не так уж много, но все они – проверенные временем ребята. Светку, Ольгу и Юльку я знаю еще со школы. Их вторых половинок... Да тоже, в принципе, много лет.

– А вот и наша именинница! Давай-ка, иди к нам. Тут самое лучшее место, – зазывает Светка.

– Шутишь?! На углу? Хочешь, чтобы Динка замуж не вышла? – возмущается Юлька.

Я закатываю глаза и демонстративно сдвигаю стул на угол стола. Замуж сходить мне не светит. Хоть сиди на углу, хоть на голове стой. Если что я и усвоила благодаря Гарипову, так это то, что женщина с проблемами со здоровьем никому не нужна. Мне же не нужны рядом люди, на которых нельзя положиться.

Пока я протискиваюсь к своему месту, платье задирается. Это не оставляют незамеченным сидящие за столом друзья:

– Вы только посмотрите, какие ножки у нашей именинницы! А я раньше даже не замечал!

– Красивые. За них и выпьем, – кивает Ольга.

– За ножки? Может, давайте, за Динку в целом, а не по частям?

– Полностью поддерживаю! Потому как если что и выделять, то только Динкину печень!

– Господи! – я закатываю глаза.

– А что? Она тебе хорошо служит. Именно благодаря ей мы вообще сидим за одним столом. – Глаза Светки влажно поблескивают.

– С этим не поспоришь, – усмехаюсь я.

– За Динкину печень! – подхватывают все собравшиеся, а я смеюсь, потому что это действительно очень смешно. Пить за печень... Пусть даже и за мою. Я пригубляю воду. Алкоголь мне категорически противопоказан, как и никотин, как жареное и острое.

– За печень, благодаря которой ты постарела еще на один год!

Все так же посмеиваясь, я киваю и пододвигаю к себе меню. Обычно люди стараются избегать разговоров о случившейся со мной истории. Поэтому я особенно ценю, что мои друзья не делают из этого трагедии вселенских масштабов. Для них это как будто ничего не меняет вовсе.

Делаем заказ, возвращаемся к прерванной беседе. Болтаем о том о сем, моем кости общим знакомым. Бокалы пустеют и наполняются вновь. Приносят закуски. Скоро и передо мной возникает тарелка с куском обжаренного на гриле лосося.

– Я просила рыбу, приготовленную на пару, – говорю я официанту, возвращая тарелку.

– Нет. У меня четко записано – гриль! – какого-то черта тот начинает со мной спорить.

– Я просила рыбу на пару.

– Нет... вы...

– Да заберите эту чертову тарелку! – рявкаю я, отшвыривая от себя злосчастную рыбу. Разговоры за столом стихают. Я вцепляюсь пальцами в приборы, как если бы хотела воткнуть вилку в глаз тупице-официанту. Внутри все дрожит. Я не привыкла к таким перепадам настроения, но срывы со мной теперь случаются все чаще. Тянусь за бокалом с водой и наталкиваюсь на осуждающий взгляд... Федора. Спросите, какого хрена я запомнила его имя? И как так вышло, что он настиг меня здесь?

– Гриль могу съесть я! – вызывается Олег, чтобы сгладить ситуацию.

– Не удивлюсь, – закатывает глаза Юлька, – у тебя не желудок, а бездонная прорва.

За столом возобновляется легкая беседа, но даже она неспособна поправить мое испорченное настроение. Не знаю даже, почему я так взъелась на мальчишку-официанта. Ну, перепутал он заказ, ну, стал спорить... И что? Нужно было на него орать? Выходит, Светка права. Я не в себе.

– Оу, черт! – глаза Ольги становятся огромными от испуга.

– Что такое? – я начинаю оборачиваться.

– Нет-нет, только не смотри за спину! Там... – Ольга делает театральную паузу.

– Неужто Гарипов? – догадываюсь я, ну, а что? На кого бы еще она могла так отреагировать?

– Да. И... Послушай, мы не хотели тебе говорить... – Ольга обводит виноватым взглядом собравшихся за столом друзей, будто ищет у них поддержки. Я напрягаюсь. Сглатываю вязкую слюну.

– Не хотела говорить что?

– В общем, он с одной девочкой встречается. И Люська... Помнишь, с нами училась такая худенькая? Марьянова, кажется? Так вот она же медсестра в медицинском центре и...

– Ты выскажешься, наконец? – изображаю нетерпеливое равнодушие.

– Короче, эта барышня, похоже, беременна. Твой мудака скоро станет отцом.

– Ну, станет и станет, – веду плечом. – Ты же не думаешь, что меня это волнует?

– Накостылять бы ему, – мечтательно тянет Пашка, избавляя Ольгу от необходимости отвечать. Та только виновато отводит глаза. Лишний раз подтверждая, что так они все и думают. Может, даже меня жалеют. С них станется.

Это выше моих сил. Я выхожу из-за стола.

– Дина...

– Я на пару минут. Только припудрю носик.

Мне нужно как-то это все уложить в голове. Гарипов... станет отцом. Он встречается с какой-то девочкой... Наверняка молоденькой. Такому, как Рустам, нетрудно вскружить голову кому угодно. Может быть, эта девочка нравится его маме. И они счастливы, что тот, наконец, нашел кого-то... подходящего. А не разваливающую на части тетку вроде меня. Люди-то они хорошие, но есть же предел...

Я горько улыбаюсь. И краем глаза замечаю, как, усадив ту самую девушку за столик, Гарипов устремляется вслед за мной. Нет-нет, я сейчас этого не выдержу. Вцеплюсь ему в лицо и... Я не успеваю придумать, что именно я бы сделала, потому что в беспамятстве натыкаюсь на препятствие. Вскидываю взгляд. Понимаю, что передо мной Федор. И не давая себе ни секунды на то, чтобы передумать, привстаю на цыпочки, зарываюсь пальцами в его волосы и жадно целую.

Глава 3

Федор

Я открываю рот, чтобы возмутиться. Послать избалованную сучку по известному адресу и сплюнуть чужой ненавистный вкус. Но вместо этого лишь помогаю ей углубить поцелуй и совсем уж неожиданно на него реагирую. Кровь отливает от головы и устремляется в известном направлении. Туда, где, как я полагал, все давно уже атрофировалось за ненужностью.

Твою мать. Твою мать... Да чтоб тебя!

Мне нужен кислород. Нужно вымарать из памяти последние секунды. Стереть ощущение не тех губ... шершавых, обветренных, тонких. Вдохнуть что-то кроме ее терпкого аромата, навязчиво оседающего на моих воспаленных рецепторах.

Избавиться от неё.

Я отталкиваю незнакомку, наверное, чуть сильнее, чем это нужно. Но барышня до того крепко в меня вцепилась, что от нее не так-то просто отделаться даже при помощи грубой силы.

– Подыграй мне. Пожалуйста, – умоляет она. И я какого-то хрена медлю, услышав в ее голосе знакомое до боли отчаяние. Я колеблюсь. Устремляю взгляд ей за спину, а там маячит какой-то слащавый тип... Весь на понтах. При костюме и галстук. Ах, значит, вот для кого предназначено это шоу? А я-то уже невесть что придумал. Послать бы их обоих... Но вместо этого я почему-то сползаю взглядом на ее искусанные дрожащие губы. А тут еще она складывает их в беззвучное «пожалуйста», в общем... Я делаю глубокий вдох, наклоняюсь и, зажмурившись, трогаю ее губы своими... На большее я считаю себя неспособным, но неожиданно (может, по забытой привычке) перехватываю инициативу, отпускаю тормоза и с силой прохожусь ладонями по ее хрупкой спине с выступающими позвонками.

«Все не то!» – мелькает в мозгу, и я снова отшпатываюсь. Незнакомка осоловело моргает. Касается пальцами губ. Пальцы у нее тоже как будто бы беззащитные. Длинные, тонкие. Без маникюра совсем, но с аккуратно постриженными овальной формы ногтями. Я не знаю, что больше меня шокирует. То, что случилось какие-то доли секунды назад, или та, казалось бы, ушедшая из моего взгляда пристальность... с которой обычно мужчины смотрят на женщин, и с которой я теперь смотрю на нее.

– Нет...

– Он ушел, – сухо поясняю я. Дамочка сглатывает, кивает, но, не поверив мне, медленно оборачивается, чтобы самой убедиться в моих словах. Воспользовавшись этим, я иду прочь.

– Федь! – машет из-за бара мой друг. Я выставляю перед собой указательный палец. Мол, одну минутку. Выхожу из зала в коридор, толкаю дверь в туалет. Включаю кран, набираю пригоршню холодной воды, плещу в лицо и... принимаюсь полоскать рот. В голове пульсирует. Чтобы вернуть себе улетучившийся покой, отматываю назад пленку памяти. Вдыхаю носом, выдыхаю ртом. Повторяю про себя – все нормально, нормально, нормально... Поцелуй с незнакомкой не стер из памяти образ той, кого я буду любить всегда. Она все еще перед глазами. Как обычно, смеющаяся, легкая и... живая. Я без труда слышу ее навсегда смолкнувший голос. Чувствую ее запах. Совсем не такой, как тот... Неправильный. Его даже аромат похорон – венков, ладана и сырой земли – не способен был перебить.

Отрываю сразу несколько бумажных полотенец, вытираю лицо и иду к Сашке, согласившемуся одолжить мне немного денег до зарплаты. Времени на рефлекссию нет. Сашка за стойкой смешивает коктейли. Здороваемся коротким рукопожатием.

– Сейчас. Я только закончу. А то у нас такие люди в гостях, что мама дорогая!

– Кто? – прохожусь равнодушным взглядом по лицам сидящих за столиками. В зале полная посадка, и совершенно непонятно, о ком Сашка говорит. Да мне и не особенно интересно. Я просто пытаюсь поддержать беседу, чтобы не обидеть друга своим равнодушием.

– Дина Довгань с друзьями. Прикинь!

– Это кто?

– Бля, ну ты совсем одичал, Вакула. Дочка Довганя, который держал всю область. Помнишь? А после того, как старик помер, всем в крае стала заправлять она.

– М-м-м... – изображать интерес к беседе мне труднее с каждой секундой. Пока Сашка треплется, я прикидываю, сколько времени уйдет на то, чтобы добраться до ледовой арены маршруткой. И как сильно пострадает мой недельный бюджет, если я все же позволю себе такси.

– Вон та, темненькая, у окна.

Если так разобраться, не очень. Но денег все равно в обрез. И это мне уже порядком поднадоело.

– Темненькая?

– Угу. Левее.

Поворачиваю голову, чтобы не разочаровать Сашку, и натыкаюсь на пристальный женский взгляд. Оу... Значит, дочка Довганя? Неудивительно, что она ведет себя как гребаная королева. Швыряет тарелками в официантов, унижает массажистов и считает, будто может наброситься с поцелуями на первого встречного.

– А-а-а. Ну ладно...

Да я просто бог красноречия! Сашка закатывает глаза, видно, подумав о том же. Я достаю телефон, сверяюсь с часами. Друг отправляет на поднос кучу стаканов с коктейлями. Вытирает руки белоснежным полотенцем и тянется за бумажником.

– Вот, возьми, – вздыхает он, тыча сложенные вместе купюры.

– Спасибо, бро. Я все верну, как только дадут зарплату.

– Не торопись. Я сегодня надеюсь на щедрые чаевые. – И снова он едва заметно кивает в сторону сидящей за столиком у окна брюнетки. Мне бы порадоваться, что не надо спешить, рвать жилы, но как-то не выходит. Терпеть не могу быть кому-то должным. А в последнее время без этого не обходится.

– Верну. Зарплату должны дать десятого.

– Ну, смотри, – отмахивается Сашка. – Кстати, какие у тебя планы на выходные? Мы думали выбраться на озеро.

– Я, наверное, буду работать.

– Ты такими темпами скоро загнешься, Вакула. Помяни мое слово.

Обсуждать работу мне хочется меньше всего. Я вообще не понимаю, какого хрена мои друзья так любят педалировать эту тему. Я мужик, у меня семья. Мне нужно ее обеспечивать. Точка.

Сую сложенные вместе купюры в карман поношенных джинсов. Прощаюсь с Сашкой – все ж тут не место для разговоров, и иду прочь. Почему-то кажется, что Дина смотрит мне вслед. Ну и хрен с ней. Хочу скорее на воздух, здесь столько народу, что становится невозможно дышать. Толкаю тяжелую дверь. В лицо ударяет ветер. Севшее к вечеру солнце совсем не греет, приятно остужая голову. Я, по привычке куда-то спешить, прибавляю шаг, равняюсь с остановкой как раз в тот момент, когда подходит дребезжащий раздолбанный автобус. Отсюда до ледовой арены всего десять остановок. Вдеваю наушники, прохожу в самый зад и отворачиваюсь к окну подальше от недовольных взглядов бабулек, которые все куда-то спешат.

Через две остановки автобус ломается. Приходится пересест на трамвай. В общем, к месту я добираюсь с десятиминутным опозданием.

– Папа! Ну, наконец-то! – Данил с Никитой несутся мне навстречу, задевая сумками со снаряжением углы, скамейки и других маленьких хоккеистов. Те возмущенно охают, оборачиваются, прожигая не по-детски злыми взглядами.

– Привет. Я все пропустил? Автобус сломался.

– Да не, норм. Сегодня Ника тренер хвалил.

– А еще он напомнил, что нужно сдать деньги на новую экипировку, – добавляет Никита, закидывая сумку на плечо. Данил толкает брата в бок, как если бы тот сказал какую-то глупость.

– Я помню. Сейчас пойду его найду и сдам...

– Это могло подождать, – бурчит Данил. Приглядываюсь к нему повнимательней. Данька с Ником совсем не похожи. Тот более смелый, требовательный, а этот... Короче, стыдно ему просить. Пусть даже на экипировку. Он все время переживает за наш бюджет, и это так же трогательно, как и неправильно. Не должен парень шести лет забивать подобной ерундой голову! Это моя задача.

– Все нормально, – успокаиваю мальчишку и ухожу, коротко, проведя рукой по его светлым, как у матери, волосам.

Тренер к тому моменту уже занят со следующей группой. На арене у нас конвейер. Лед оплачивается почасово. Времени на разговоры нет, хотя обычно мы перекидываемся с Миха-лычем парочкой слов. На этот раз я просто отдаю деньги, а тот обещает не забыть внести наши фамилии в общий список.

От арены до дома еще сорок минут на автобусе. Да с сумками, да в час пик. Домой приезжаю донельзя измочаленный. А ведь еще нужно сходить в магазин и приготовить ужин. Пацаны все уши мне прожужжали о том, какие они голодные.

– Обойдемся пельменями? Я сегодня очень устал.

– Обойдемся, – вздыхают синхронно, и я понимаю, что с гораздо большим удовольствием они бы съели домашнее. Надо заставить себя в следующий раз приготовить что-нибудь стоящее. Может быть, даже заморочусь с блинами. Чем черт не шутит? К счастью, прямо у нас перед носом открывается касса, и хоть в очереди стоять не приходится. Бросаю пачку замороженных пельменей на ленту. Кошусь на своих пацанов, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу. Те ничего не просят, лишь бросают голодные взгляды на шоколадки на витрине у кассы.

– Берите, но по одной.

Ник с победным кличем хватается по Сникерсу себе и брату. Данька бормочет, что ему совсем не хочется шоколада. Но все в его взгляде говорит об обратном. Во мне поднимается привычное чувство вины за то, что я не могу закрыть все их потребности, хотя ну просто из кожи вон лезу, хватаясь за любую работу. Но даже так я не уверен в том, что справляюсь. Без их матери ни черта у меня не выходит. С Лизой мне все давалось намного легче. Без нее же...

– Федя... – запинаясь на ровном месте. Оборачиваюсь, лишь когда вслед за «Федя» прилетает «Привет».

– Мама... Отец.

Удивительно. Ладно, мать явилась, но батя... Это что-то новое. Прямо из ряда вон. Мальчишки, которые никогда не видели моих родителей, с интересом глядят из-под надвинутых на брови одинаковых шапок. Родители же делают вид, будто не замечают их интереса.

– Какими судьбами? – равнодушно интересуюсь я. Мы до этих пор не виделись... сколько? Да насколько лет. С тех пор как на ультиматум либо-мы-либо-она я выбрал... ее, собственно.

– Мы с папой хотели с тобой поговорить.

– Никит, Данил, это мои родители.

Сказать «ваши бабушка и дедушка» я не решаюсь. Ведь мой отец может в любой момент брякнуть, что «к этим детям» (так он их называет) он не имеет ровным счетом никакого отно-

шения. Батя, может, и не имеет, для него все заиклено на генетике. Я же... считаю, что отцом является тот, кто этих детей воспитал.

– Очень приятно! – лепечет мама, отводя взгляд.

– Угу, – тонко считывая их неприятие, синхронно бурчат мои парни.

– Думаю, нам лучше подняться в квартиру.

Откуда они узнали мой адрес – не спрашиваю. Вероятнее всего, отец обратился в деканат, там у него полно друзей. И мой адрес, хотя меня и отчислили, наверняка еще хранится в архиве.

Проходим в тесную прихожую. Здесь и когда мы втроем раздеваемся, образуется куча мала. С родителями же, что стоят за спиной, вообще не развернуться.

– Бегите мыть руки. Пельмени будут готовы минут через пятнадцать.

Пацаны спешно ретируются. Взмахом руки я приглашаю родителей в такую же тесную кухню. Мама изо всех сил старается сделать вид, что ее ничего не коробит. Отцу такое даже в голову не приходит. Он застывает, подперев спиной стену, и демонстративно складывает руки на груди.

– Так о чем вы хотели поговорить?

Я набираю в кастрюлю воду. Ставлю на конфорку. Мама неодобрительно косится на упаковку пельменей. Откашливается.

– Мы хотели поговорить о твоём будущем.

– Вот как? – мои губы кривит холодная усмешка. Наверное, мне следовало ожидать, что они рано или поздно заявятся, в конце концов, я их единственный сын.

– Да. Ты взрослый мужчина и должен понимать, что дальше так продолжаться не может.

– Как так?

– Так! – встревает в разговор отец. – Позоря нас с матерью, наше доброе имя... Неужели ты думал, мы не узнаем, чем ты занимаешься?!

Я глумливо чешу в затылке:

– Да я как-то вообще о тебе не думал...

– Оно и видно!

– Алеша... – мама успокаивающе гладит отца по руке, но тот резко стряхивает ее ладонь.

– Наш сын – жиголо! Господи... Кому расскажи.

Я отворачиваюсь к крану, чтобы сморгнуть наползающую на глаза алую пелену. Вдох-выдох. Я не жиголо и оправдываться не собираюсь.

– Четыре года назад ты сказал, что у тебя нет сына, – цежу я, успокоившись. – Разве с тех пор что-то поменялось?

Своим вопросом я на некоторое время сбиваю с отца всю спесь. Он стоит, сжимая и разжимая руки, которые провели десятки тысяч операций, спасая жизни... Я в мед пошел из-за него, желая стать таким же. Я в самом деле им гордился, да...

– Послушайте, не нужно ссориться. Мы же не для этого пришли. Федя, Алеша... Я прошу вас...

– Извини, мама. Давайте и впрямь перейдем ближе к делу. Чего вы от меня хотите?

– Мы хотели бы, чтобы ты вернулся в университет. Ты один из самых талантливых и подающих надежды студентов. Думаю, даже та девочка не хотела бы, чтобы ты все бросил...

«Той девочкой» мама зовет Лизу... И это, мать его, запрещенный прием – упоминать ее имя вот так.

Глава 4

Федор

Потому что Лиза действительно была бы в ужасе от того, как все у меня сложилось. Если бы она была жива... Или если бы я верил во всю эту хрень вроде загробной жизни. Но я не верю. Я врач, ну, ладно, почти врач... и знаю, что ни хрена там, за чертой, нет. Она мне даже не снится, хотя я продал бы душу дьяволу за одну только ночь, проведенную с ней. Пусть даже во сне. Но прошлого не вернуть. Пусть оно и косится на меня со всех сторон, льнет к холодильнику и путается в простынях...

– Я думал об этом.

– Правда? – мама широко улыбается. Улыбнуться в ответ я не могу. Кажется, нужные для этого мышцы полностью атрофировались. Правда, ради пацанов мне иногда удается выдавить из себя что-то вроде улыбки. Ходить унылым говном, когда они ждут от меня поддержки – неправильно. И я это очень хорошо понимаю.

Забрасываю пельмени в воду, та с шипением переливается через край. Мама вздрагивает. К напряжению, царящему в комнате, кажется, запросто можно подсоединять провода – осветит пару кварталов.

– Да. Скоплю достаточную сумму, чтобы можно было сосредоточиться на учебе, и непременно восстановлюсь.

– Но ведь этого от тебя совершенно не требуется! Ты, наверное, не понял. Мы с радостью тебе поможем, – взгляд матери обращается к отцу в поисках поддержки. Тот сухо кивает. Наверняка он думает, что этого более чем достаточно. – Папа поговорит с Ильясовым. Тебя восстановят уже с этого года.

Теперь мало что может заставить мое сердце биться чаще. Исключение, пожалуй – возможность доучиться и исполнить свою мечту. Не то чтобы для полутрупа вроде меня это было так уж важно на самом деле, но... За что-то же нужно цепляться, чтобы не рухнуть на дно. Ради парней нужно. На себя мне давно уже похер.

– На дворе октябрь, мам. – Я просто обязан об этом помнить. Уже октябрь, да... Еще один учебный год неминуемо пройдет мимо.

– Перед несчастьем с этой девочкой ты как раз успел...

– Ее зовут Лиза! Звали... Черт... – отворачиваюсь к окну, обхватываю хлипкий пластиковый подоконник. На улице собирается дождь. Унылая картина, не на что отвлечься. Концентрируюсь на силуэте помойного кота, вольготно шагающего вдоль выкрашенного синей краской заборчика. Отец, вытрепывая нервы, бурчит за спиной что-то невнятное. О том, что с тех пор как мы с Лизой познакомились, все покатило псу под хвост, что меня будто подменили. Если честно, для него же безопасней просто молчать, потому как желание затолкать эти слова ему обратно в глотку становится все нестерпимей с каждой минутой. И не спасает ни подоконник, ни кот, ни размеренное глубокое дыхание.

– Пап, ну долго еще? Мы голодные!

Я возвращаюсь к плите, помешиваю слипшиеся как черте что пельмени.

– Уже все готово. Доставай сметану. Сегодня можете поесть у себя.

– Ух ты. Дань, можем поесть перед телеком! – орет Никита. Отец недовольно морщится.

Сливаю воду, добавляю к пельменям масло, хотя это вряд ли их спасет. Вручаю детям тарелки.

– Я к тому, что как раз сентябрь ты и отучился. У тебя есть все необходимые конспекты. Так что восстановиться будет нетрудно.

Да, может быть. Но все-таки я не понимаю...

– А почему вы пришли именно сейчас?

Мать вновь косится на отца. Тот хмыкает. Хлопает себя по карманам. И вытаскивает...

– Это что? Повестка?

– При универе, насколько тебе известно, военная кафедра. Но если ты не в универе – будь добр. Отдавай долг родине.

– Я не хочу служить.

– А я тебе о чем? – хмыкает отец. – В общем, так, завтра собираешь все бумажки и дуешь в деканат. Тебя левым числом восстановят. Мне Ильясов не откажет.

Хрень какая-то! Армия... Я и думать о ней забыл. Оседаю на табурет.

– Постой, разве мне не положена отсрочка, как отцу-одиночке, или что-то такое?

– Ну, какому отцу? Что ты несешь? Эти пацаны тебе кто? Никто. Ты им по документам...

– Я нахожусь в процессе усыновления, – вскидываюсь.

– Это отматываешь назад.

– То есть что значит – отматываешь?

Я смотрю на батю и пытаюсь вспомнить, умеет ли он вообще говорить не командами? Ты то, ты сё... Господи, мне двадцать три года, я давно уже самостоятельный взрослый мужик, а отец до сих пор разговаривает со мной, как с нашкодившим несмышлёнышем. Или как прапор с салагой. Кстати, может, мне это можно зачесть в счет службы?

– Послушай, Федор, мы с тобой натерпелись на всю жизнь вперед. Хватит. Эти дети – вообще не твоя забота, понял? Уверен, при желании можно найти их дальних родственников или, на худой конец, отдать в специализированное учреждение...

Это становится последней каплей. Я вскакиваю с табурета, сгребая злосчастную повестку, сминаю и отшвыриваю в ведро.

– Так, все. Аудиенция окончена. – Распахиваю настежь дверь.

– Не дури! Ты сам из такого дерьма не выберешься! Хотя так, хоть так – тебе с этими пацанами ничего не светит.

– Мам, – в отчаянии зарываюсь ладонью в волосы, – забери его, а? Не доводи меня до греха.

– Федька...

– Ма-ма! Уйдите. И не смейте даже... Они мои, мои, до вас не доходит? Они мои, а вы... Я сомневаюсь. Мои родители просто не могут быть такими уродами.

– Федя... Мы же как лучше... Ну, что ты...

Мама плачет, отец тащит ее за руку:

– Не хочет – не надо. Значит, еще не время. Потом сам придет. Ты придешь, – крупный длинный палец тычет мне в грудь. В голове, как в калейдоскопе, всплывают картинки: вот я выкручиваю эту самую руку, делаю подсечку и отправляю отца на пол. В реальности же что-то останавливает меня от этого шага. Может быть, то, что я, в отличие от своих родителей, еще не забыл каких-то базисных прописных истин, которым, кстати, именно они меня и учили. Поднять руку на родного отца для меня так же немыслимо, как на женщину или ребенка. А ведь хочется... Очень хочется, господи!

Родители все же благоразумно уходят. Дверь закрывается с громким хлопком. Я прислоняюсь лбом к наличнику и бью в стену кулаком что есть силы, вколачивая в нее свою ярость.

– Эй, па, ты чего?

– Ничего. Вы поели?

– Я за добавкой.

– Вот и правильно. Давай подложу. Уроки сделали?

– Ну, так... Мы старались.

– Учиться нужно хорошо.

– Я знаю. Но в школе ужасная скукота. И училка настоящая гримза.

И это тоже моя боль. То, что Данька с Ником учатся, где придется. Лиза планировала возить их в гимназию на другой конец города, но если бы я вписался в эту историю, то работать бы мне было некогда. Весь день уходил бы на то, чтобы развозить пацанов по школам и секциям. Пришлось идти на жертвы и отдавать ребят в школу у дома. Черт с ним. В любом случае это лучше, чем обучение в каком-нибудь интернате, где всех детей без разбору отправляют в коррекционный класс. Я утешаю себя этой мыслью, когда чувство вины становится особенно острым. Вот прям как сейчас.

– Грымза? Где ты слово такое услышал? – кривлю губы, типа, улыбаюсь.

– Так Дашка говорит.

– Твоя подружка?

– Фу-у-у, не. Я только с пацанами дружу.

Ну, это пока. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Уроки пацанов проверяю, когда те уже укладываются спать. Тычу вилкой в остывшие пельмени, просматриваю их писанину. Пока ничего сложного. Крючки да палочки. Неудивительно, что они не в восторге. На подготовительных курсах при гимназии программа была гораздо сильнее. Башка пухнет. Еще и эта повестка... Я, конечно, сделаю вид, что не получал ее, но... Ч-черт. Все-таки придется идти к адвокату. Чтобы он в который раз попытался ускорить процесс усыновления. Тот буксует, потому как двадцатитрехлетний парень для органов опеки не самый лучший кандидат в приемные отцы.

Раскладываю кухонный диван (единственную комнату занимают мальчики) и открываю фото Лизы в телефоне.

– Я что-нибудь придумаю, – обещаю ей, хотя я врач, ну ладно, почти врач, и не верю в загробную жизнь. Впрочем, это я уже говорил.

Отматываю фотографии далеко-далеко назад. К самому ее первому фото в моем телефоне. Хвала iCloud, у меня все-все сохранилось даже после того, как я обновил модель. Веду пальцем по Лизиным длинным волосам. Мне даже не нужно закрывать глаз, чтобы в оглушающе точных деталях воспроизвести тот день. День нашей первой встречи.

Это было первое сентября, но какого-то черта нам сразу поставили пары. Никакого праздника, в общем, тот день нам не сулил. До сих пор очень хорошо помню наше разочарование по этому поводу. А тогда ничего, расселись, вырядившись в белые халаты и колпаки, которые никто не требовал надевать. Нам, наверное, просто самим по кайфу было нацепить это все барахло, возомнив себя великими эскулапами. Самый смешной колпак был у Шара. Высокий, сантиметров тридцать, и хорошенько так накрахмаленный. Он стоял на голове неприступной башней. И каждый хотел его примерить, сделав обязательную фотку на память. Ржач стоял такой, что в аудитории тряслись стены. Так и кочевал тот колпак с одной дурной головы на другую, пока очередь не дошла до меня. И в этот самый момент, когда я его нахлобучил на голову, дверь в аудиторию распахнулась. Не знаю, как в диком шуме я это услышал и почему вообще обернулся... Но факт, что после отвести взгляд я уже не мог. Так и сидел с челюстью, отъехавшей к крышке парты, глядя на самое прекрасное, что я когда-либо видел. На Лизе была твидовая мини-юбка, белая блузка с пуговичками-жемчужинками и туфли на небольшом каблуке. Ее медовые волосы струились по спине и плечам. А в синих бездонных глазах плескался детский восторг. Несмотря на то, что она казалась старше других девчонок... Да и на деле была старше, да... Поступила-то Лиза по известным причинам не сразу.

Сейчас я могу только догадываться, как по-дурацки выглядел со стороны. А в тот миг мои мысли будто заволокло туманом. Лиза поравнялась с моей партой. Улыбнулась широко и, потрепав по щеке, сказала:

– А что? Тебе идет!

Я как придурок улыбнулся в ответ, приняв ее слова за чистую монету, хотя все вокруг только громче заржали. Игнорируя этих идиотов, я стянул злосчастный колпак размаши-

стым движением ладони и демонстративно уставился вслед поднимающейся на галерку Лизе. Очнулся, лишь когда мой друган Серега ткнул меня в бок локтем:

– Да не пялся ты на неё, как дурак! Не пались. И так, вон, все ржут.

– И черт с ними, – беспечно отмахнулся я, а после опустил подбородок на установленную на пролет выше парту и задумчиво протянул: – Так вот ты какая...

– Кто? – не понял Серый.

– Мать моих будущих детей.

Серый ословело моргнул. Открыл и закрыл рот. И заржал. Ну и кто из нас придурок, спрашивается?

– Ой, Вакула. Я с тебя не могу!

– А что такое?

– Да ничего. Ты, конечно, у нас первый парень на деревне, но тут, боюсь, в пролете.

– Чего это?

– А того! Боюсь, у тебя есть конкуренты.

– Она с кем-то встречается? – я нахмурил брови, не в силах отвести глаз от Лизы.

– Хуже. У нее есть дети.

– Ты же сейчас шутишь, правда?

– Не-а. Кто-то говорил. Я ж с ней на подготовительные ходил. Ты не в курсе?

– Нет, – отрезаю я, выбираясь из-за парты.

– Постой, бро, ты куда?

– Пойду, познакомлюсь.

– Ты чего, не слышал, что я сказал? – удивляется Серый.

– Слышал. Это ничего не меняет.

– Во дурак! – крутит тот у виска.

Серый, как и многие другие после, поначалу считал, что Лиза мне совершенно не пара. Точнее, он говорил, что трахать такую можно, но заводить серьезные отношения... «Бро, ты че? Тебе восемнадцать лет! А у нее дети!»

А потом он, кажется, громче всех плакал на Лизиных похоронах...

– Привет.

– Привет, Колпак.

– Вообще-то Федор. Можно Фед.

– Лиза.

– Я чего, собственно, пришел...

– Дай угадаю. Хочешь ко мне подкатить?

– Нет. Пригласить на свидание.

– Даже так? – Лиза улыбнулась, отчего на ее щеках появились изумительные ямочки. –

Что ж... Боюсь тебя разочаровать. Я занята.

– Встречаешься с другим?

– Аж с двумя! Эти ребята такие затейники, что у меня буквально ни минутки нет свободной.

– Ну, что ж. Значит, делать нечего. – Я деловито уселся рядом. – Придется тебе помочь.

– Чего? – Лиза удивленно захлопала глазами.

– Говорю, придется тебе помочь. С парнями-то.

Она потом призналась, что после этого в меня и влюбилась. Или это было, когда Данька обделал мне штаны? Неважно, в любом случае это тоже случилось быстро. Практически любовь с первого взгляда. Раз, мать его, и навсегда...

Глава 5

Дина

Как всегда, после хороших встрясок, несколько дней потом я мучаюсь бессонницей. Погода всю неделю дождливая, сонная. Казалось бы, залезь под одеяло и спи под убаюкивающий стук дождя по стеклам, но нет... Я томлюсь без сна, потом хожу целый день разбитая и оттого более хмурая, чем обычно. И если в офисе еще удастся отогнать от себя гнетущие мысли, уработаться так, чтобы не до них стало, то дома... Дома спасения нет. А тут еще мать объявилась.

– С днем рожде-е-енья тебя-я-я! С днем рождения тебя-я-я.

– Спасибо. Он был позавчера. – Я перекачиваюсь на спину и утыкаюсь взглядом в неровную трещину, проходящую по потолочной балке. Одно время я думала ту заменить, чтобы ничто не портило совершенство дома. Но потом решила оставить. В том, что только я знаю об этом дефекте, есть нечто особенное. Будто у нас с домом есть общий секрет – скрытые под красивой оберткой шрамы.

– Я помню! Ты же не думаешь, что я забыла, правда? У меня просто не было возможности с тобой связаться. Мы были... Йозеф, где мы были? Ай, ну тебя... На каких-то дальних островах. Там нет связи и такая холодрыга, что бр-р-р. Постой... Ты разве не видела? Я выкладывала фото!

– Ты же знаешь, что я не любитель социальных сетей.

– Это очень несовременно.

– Да уж как есть.

– Хм... Ну ладно. Я тебе перешлю подарок. Как ты себя чувствуешь? Говорят, бродит какой-то вирус...

Хмыкаю. Нет, это правда весело. Особенно потому, что, несмотря на все случившееся, я верю – мать действительно переживает о моем здоровье. Другое дело, что даже грозящая мне смерть не заставила ее поделиться со мной небольшой частью своего. Ведь именно моя мать долгое время оставалась единственным подходящим мне донором. Она в режиме реального времени наблюдала за тем, как я день ото дня угасаю, но так и не согласилась, чтобы у нее изъяли небольшую часть органа, который впоследствии бы полностью регенерировался. То, что мне в итоге подвернулся другой донор, я считаю самым настоящим чудом. К тому моменту у меня уже начали отказывать почки, и счет шел буквально на дни. Я много раз себя спрашивала, как бы чувствовала себя моя мать, если бы я все-таки умерла?

– Спасибо. У меня все нормально. Работы много.

– А в остальном? – в голосе матери проскальзывают странные нотки. – Я слышала от Томочки, что твой Рустам обрюхатил какую-то соплячку. Это правда?

– Откуда мне знать? Я за ним не слежу.

И это почти правда, да... А то, что мы случайно встретились в ресторане... Упоминать об этом я не считаю нужным. Иначе мать потом не заткнешь. Она не остановится, пока не выпытает абсолютно все пикантные подробности той встречи. А мне совсем не хочется о них вспоминать.

– Я не поверю, что тебе нет до этого дела!

– Не верь.

– Он сделал ребенка другой, хотя еще и года не прошло с тех пор, как твоя беременность закончилась трагедией!

– Жизнь в тот момент не остановилась, мама, – твердо говорю я, не совсем понимая, кого пытаюсь в том убедить.

– Ну, не знаю, Дина. На твоём месте я бы его уничтожила.

Да... Я тоже об этом думала. Все средства для этого у меня есть. Но мы же, мать его, цивилизованные люди. Так что я просто сцепила зубы и отпустила Рустама с богом.

– Не мой стиль.

– Наверное. Ты слишком великодушная.

– Это вряд ли.

– Да-да, не спорь. С твоими возможностями ни одна женщина не упустила бы шанса как следует проехаться по этой скотине. А ты молча страдаешь, надо же!

– Я не страдаю, мама.

– Кого ты хочешь обмануть? Вот если бы ты прислушалась ко мне, если бы сделала хоть что-то...

– Например?

Как же надоел этот разговор. Может, это и к лучшему, что мать обо мне вспоминает хорошо если раз в месяц, когда заканчиваются выделенные на её содержание деньги?

– Да что-нибудь! Хотя бы любовника себе завела в отместку!

– А с чего ты решила, что у меня его нет?

Поставить мать в тупик мне удастся нечасто, и это как раз такой случай.

– Ты серьёзно? – оживляется она после короткой паузы. – У тебя кто-то появился? Кто?

– Да просто хороший парень, – вру я, поднимаясь с кровати. Сегодня дождь прекратился, из-за гор выкатилось солнце, в ярких лучах которого запылали разноцветными языками пламени укрывающие горы леса.

– Парень? Значит, он моложе тебя? Одобряю! – тихо смеется мама – тот ещё ценитель молодых жеребцов. Иногда я думаю, что с их помощью она наверстывает время, проведенное с моим отцом, который был её старше аж на целых двадцать два года.

– Подробностей не дождешься, – предупреждаю я.

– Ну и ладно, главное, чтоб тебе хорошо было. – Томный, идущий как будто из груди смех матери вызывает во мне чувство гадливости. Терпеть не могу, когда она такая игривая. В моменты, подобные этому, мне начинает казаться, что я вижу нечто интимное и совершенно не предназначенное для чужих глаз.

Чтобы на том не заикливаться, принимаюсь водить взглядом по открывающемуся перед домом пространству. Назвать это двором сложно. Мы очень постарались сохранить здесь все так, как было до начала строительства. Вдалеке пустует детская площадка, которую я все никак не наберусь духу снести...

Хотя почему пустует?

Гляжу на две яркие курточки, движущиеся по лесенке в веревочном парке. Сердце запинается, пусть даже ничего нового в этой истории нет. Пару раз ко мне уже забредали отдыхающие на озере дети. Тогда охрана просто деликатно их выпроваживала. Да и сейчас, вон, уже спешат...

– Извини, мам, у меня появились срочные дела. Я тебе потом перезвоню, ага?

Кубарем скатываюсь с лестницы. Просовываю ноги в ярко-желтые резиновые сапоги, надеваю теплую куртку и бегу к детской площадке, откуда доносятся голоса.

– Убери от него свои руки, обезьяна!

– Пап, да он просто помог Даньке слезть.

– Вы бы язык попридержали и лучше бы за детьми приглядывали, – бурчит один из моих охранников, отпуская мальчика лет семи. Второй – его точная копия, стоит рядом, набычившись. А спиной ко мне... Да нет. Не может быть.

– Что здесь происходит?

Мужчина оборачивается, и я встречаюсь с уже знакомым взглядом льдистых глаз. Новость в том, что сейчас в них можно заметить отголоски каких-то чувств. Федор выглядит таким же шокированным, как, наверно, и я.

– Вот, мальчишки к нам забрели, Дина Владимировна. Говорю ж, надо забор ставить. Народ не понимает, что такое частная собственность.

– Все мы понимаем, – шмыгает носом один из пацанов. – Просто я такого веревочного парка еще никогда не видел. Жалко вам, что ли?

– Ты вообще не должен был от меня отходить! Вы... – замечает Федор строго. А потом уже мне: – Извините за вторжение. Мы уже уходим.

– А я даже взобраться не успел, – горестно вздыхает второй мальчик. Я стою и никак не могу взять в толк, кем красавчику приходится эти дети. Мне же послышалось, что один из них назвал его папой, не так ли?

Перевожу растерянный взгляд с одного мальчишки на другого, пытаюсь найти какое-то внешнее сходство. А его нет. Потому что Федор просто не может быть их отцом! Ему сколько? Лет двадцать пять? Максимум.

– Я сказал, мы уходим, – твердо повторяет он.

– Зачем же спешить? – лепечу в ответ. – Вы можете остаться, если ребята хотят ползать... Борь, у нас же там все рабочее?

– В этом году проходили чек, – с трудом скрывает свое удивление охранник.

– Ура! – в один голос орут мальчишки. – Пап, мы же можем остаться? Нас пригласили! Мы никуда не врывались, слышишь? Мы можем? Ну что ты молчишь?!

Значит, все-таки папа. Какой кошмар! А как его жена, интересно, относится к тому, чем Федор занимается? Знает ли эта бедная девочка, какие услуги оказывает ее муж всяким богатыньким тётенькам? Об интимном массаже знает? Господи, какой ужас! А ведь я столько раз ловила себя на мысли, что, возможно, ничего такого в том нет, и мне стоит снова к нему пойти, чтобы довести до конца начатое. Особенно меня подмывало это сделать после нашего поцелуя. Целуется Федя виртуозно. Говоря по правде, я едва удержалась от того, чтобы позвонить в салон, прямо не сходя с места.

– Это не очень удобно, – говорит Федор, играя желваками. – Мы же не одни.

– Ты можешь пригласить сюда свою жену и друзей. Или с кем вы приехали? – предлагаю я зачем-то и тут же осекаюсь, видя, как изменилось его лицо: – Я что-то не то сказала?

– Моей жены нет.

– Оу... Ну, думаю, она будет не против, если мальчишки немного повеселятся.

– Боюсь, ее мнения мы не узнаем. Она умерла.

Мои губы помимо воли округляются. Мальчишки, пользуясь заминкой в разговоре взрослых, уже вернулись к лесенкам и веревкам. А я стою и просто не представляю, как дальше повести разговор.

– Прости.

– Проехали. Ты тоже извини, что мы вот так ворвались.

Пожимаю плечами и, заставив себя улыбнуться, замечаю шутливо:

– Будучи ребенком, я бы тоже вряд ли прошла мимо такого.

– Да уж. Твои дети, наверное, в восторге. – Федор задирает голову к высоким шелестящим кронам. Вчера поднялся ветер и здорово те проредил своим невидимым гребнем, но все равно на ветвях еще хватает листьев.

– У меня нет детей. Мог бы быть ребенок, но... – пожимаю плечами, не понимая, как дошла до этой откровенности. Может, чтобы сравнять наш счет. – Ладно, я пойду. Не буду мешать вам развлекаться. Если что, охранники вас не беспокоят.

Звук шагов глушат толстый мшистый ковер и подстилка из желтых листьев. Кажется, Федор глядит мне вслед. Но я не взялась бы на это спорить. В моей голове роятся мысли. В

ушах на бесконечном повторе его слова: она умерла, умерла, умерла... Ну, и на кой мне эта информация? Своих проблем, что ли, мало? И почему меня так чудовищно к нему тянет? А что тянет – глупо отрицать. Силу этой тяги можно измерять по влаге, собирающейся в моих трусиках. Красивый, гад... Все дело в этом, наверное. А еще в том, что баб хлебом не корми, дай спасти кого-то пропащего. Федор же... не то чтобы пропащий. Но от него тоже исходят сигналы бедствия, которые никто вроде бы не видит, но очень чутко улавливает мой внутренний радар.

Я пытаюсь работать, но невольно вслушиваюсь в голоса. Звонящие голоса детей, более грубые – взрослых. Похоже, к Федору присоединились те, с кем он сюда и приехал. Выглядываю из-за тюля. Не обошлось и без девиц. Все молоденькие. Лет по двадцать. Могу представить, как им нравится красавчик, если даже его дети их не отпугивают. Интересно, а они знают, как он зарабатывает на хлеб? И правда ли то, что он учился в медицинском? Если упорядочить мысли, соединив концы, нетрудно догадаться, как все происходило. Наверняка смерть жены Федора и то, что он не доучился в университете, как-то связано. Уж не нужда ли довела его до такого?

Плавный ход моих мыслей нарушает стук в дверь. Открываю. Передо мной стоит Федор. У него в руках пластиковая тарелка с горкой шашлыка на ней.

– Это тебе. В благодарность за аренду веревочного парка.

– Не стоило.

– Мясо резиновое, Сашка с Серым те еще повара, но уж как есть.

Я растерянно киваю. Мой взгляд привлекают шушукающиеся мальчишки. По тому, как они норовят заглянуть в приоткрытую дверь, понятно, что мой дом вызвал их живой интерес.

– Хотите посмотреть? – улыбаюсь пацанам. Один воодушевленно кивает, другой, более робкий, утыкается в пол и бормочет что-то невнятное.

– Нет, Никит. Это неудобно. К тому же скоро должно подъехать такси.

Вот дура! Ну, и ладно. Этого стоило ожидать.

– Что ж. Тогда спасибо за шашлык, – натянуто улыбаюсь я. – Всего доброго.

Забираю тарелку и решительно захлопываю дверь. Так даже лучше. Я отвыкла от чужого общества. Иду на кухню. Ставлю тарелку на стол, достаю даже приборы, но, вовремя опомнившись, зло сметаю мясо в мусорное ведро. Мне нельзя есть ничего жареного. Права Светка. Мне осталось не так уж много удовольствий. Но они есть. Я переодеваюсь в купальник, накидываю теплый халат и, заварив полный чайник чая, иду к огромной джакузи под открытым небом. Чтобы добраться от одного бортика к другому, приходится сделать даже несколько гребков руками. Я обожаю сидеть в обжигающе-горячей воде, когда температура воздуха падает едва ли не до нуля, а чаще и того ниже. Это так расслабляет... Я погружаюсь в дрему, из которой меня вышвыривает топот чьих-то ног.

– Ой, а это опять мы. Здравсте.

Я пытаюсь сесть, но из-за того, что делаю это очень резко, получаю обратный эффект и едва не с головой ухожу под воду. Отфыркиваюсь.

– Привет. Такси не приехало?

– Нет, – чертыхается Федор. – Послушай, мне дико неудобно, но пацаны замерзли, а я пока не могу дозвониться и...

– Здесь иногда пропадает связь, – киваю.

– Так мы можем побыть у тебя до того, как машина приедет?

– Кхм... Да. Да, конечно.

Я незаметно даю команду маячившему у Федора за спиной охраннику, означающую, что все хорошо.

– Конечно. Проходите.

– А мы можем в этой штуке покупаться? А тут горячая вода? Прямо кипяток? Пап, можно мы купаемся? Там мы точно согреемся и не заболеем.

– Это неудобно, – в который раз говорит Федор. – Давайте лучше тихонько посидим в доме...

– Да все нормально. Пусть, если им хочется. И ты залезай. Здесь места всем хватит. Только нужно принести больше полотенец.

Глава 6

Федор

Дина плавно поднимается из воды, а я, чтобы не смотреть на нее, отворачиваюсь. Смешно, ей богу! Я как будто боюсь, что она предстанет передо мной голой. Хотя, конечно, вряд ли бы она решила провернуть такой номер на глазах у шестилеток. Даже если бы ей за каким-то чертом понадобилось сделать это на глазах у меня.

Наверное, она думает, что я идиот. Да чтоб его! Когда я нахожу в себе силы снова поднять глаза, Дина успевает закутаться в толстый белый халат и теперь стоит, подняв руки над головой, и сушит волосы полотенцем.

– Чтоб не замерзнуть, вы можете раздеться в доме, а сюда уже выйти в плавках.

– Плавков у нас нет, – сокрушается Данил.

– Это ничего. Вы же не планировали купаться. Думаю, для такого дела сойдет и белье. Обещаю не подглядывать, – не слишком складно шутит Дина, но это срабатывает. С мальчишек слетает неловкость. – Для тебя я, кажется, могу найти, – добавляет, глядя уже на меня.

Интересно, чьи? На языке вертится не слишком любезное в данном случае: «Спасибо, обойдусь». Вот только тогда мне придется предстать перед ней в своих линялых боксерах, а это... Ну, не знаю. Наверное, унижительно. Можно еще отказаться от предложения искупаться. Но портить веселье парням не хочется. Они в полнейшем восторге, видно же, что для них это целое приключение. Прямо как поход в аквапарк, который пока никак не хочет вписываться в наш бюджет.

– Спасибо. Я не думаю. Вдруг удастся вызвать такси и...

– Да забей. Я потом попрошу кого-нибудь вас отвезти.

Дина оглядывается за спину на отдельно стоящий домик. Наверное, там находится ее охрана. В мою голову мало вписывается осознание того, насколько же разную жизнь мы ведем. Интересно, эта вся роскошь делает ее счастливой? Окидываю взглядом открывающийся вид... Включилась хитро встроенная подсветка. Картина просто сказочная. Над озером поднимается пар, сквозь который на заднем плане проступают неровные горные хребты, окутанные последними отблесками заката. Пока в небе преобладают сиреневый и сизый, но видно, что уже очень скоро все поглотит чернильная тьма.

– Не знаю, это неудобно, – бурчу скорей для порядка. Внутри-то я уже сдался.

– Уговаривать не буду.

Ну, еще бы. Господи, мне такое даже в голову не приходило. Это же Дина, мать его, Довгань. До сих пор поверить не могу, что я у нее в гостях. Какие же странные кульбиты в последнее время проделывает моя жизнь!

Пока я менжуюсь, Дина открывает раздвижную дверь, ведущую во что-то вроде предбанника. С одной стороны душ, с другой – сухая зона. Шкафчики, кушетка, зеркало в полный рост. Дина встает на цыпочки, открывает дверцу и достает целый ворох полотенец.

– Этого, наверное, хватит.

Пахнет свежим бельем и... достатком. Следом она выдвигает ящик.

– Плавки тут. Все чистые. Выбирай сам. Я вас ненадолго оставлю. Сооружу что-нибудь перекусить.

Из предбанника выходят две двери. Одна в дом, другая к джакузи. Дина торопливо скрывается за первой. Я даже не успеваю отреагировать на ее слова. Оборачиваюсь к возбужденным мальчишкам. Тем дважды повторять не надо, в полнейшем восторге они сдирают с себя куртки, свитера и штаны. Сваливают это все на скамейку. А я в отчаянии гляжу на их труселя.

К счастью, те выглядят вполне пристойно. Никто не сможет упрекнуть меня в том, что я экономлю на детях.

– Офигеть! Пап, ты видел?! Настоящее чудо!

– Да не чудо. Обычная ванна, – закатывает глаза Данил, будто каждый день видел такие джакузи.

– А вот и необычная. У нас такой нет!

– Потому что такие есть только у богатых, дубина.

– Эй! – вклиниваюсь я в разговор братьев, – без оскорблений, пожалуйста.

– Пап, а эта тетя очень богатая, да?

– Да уж, небедная. Пойду, гляну, не нужна ли ей помощь, – я распрямляю плечи, на которые как будто давит окружающее великолепие. Толкаю злосчастную дверь. Попадаю из нее в просторный холл. Я вырос в довольно обеспеченной семье, но и близко не видел ничего подобного. По уровню достатка это какая-то стратосфера... Чувствую себя максимально не в своей тарелке. Боюсь совершить глупость, выставив себя деревенщиной. Злюсь, что вообще в это все впился. Не могу не задаваться вопросом, а на хрена это ей? Заскучала? Дай, думает, осчастливит представителей рабочего класса? Накрутив себя, иду на звук дребезжания посуды.

– Я заварила еще чая. Тут орехи, сыр, виноград... Для детей угощений у меня, к сожалению, нет.

Дина снова отворачивается к барной стойке. Но я успеваю поймать взгляд, которым она проходится по моему телу. Уж не в нем ли таится ответ на все мои вопросы? За кого, интересно, она меня принимает? За жиголо, к которым меня причислил родной отец?

– Они не голодны. – Я сощуриваюсь. – Не стоило беспокоиться.

Кухня у Дины мегасовременная, размером с всю мою квартиру, не меньше. Мы стоим на разных ее концах, и если бы не эхо, пришлось бы, наверное, напрягать слух, чтобы друг друга услышать.

– Мне несложно. Подхватишь поднос?

Я покладисто киваю. Подхожу ближе и замечаю выброшенный в мусорное ведро шашлык. Выходит, мое угощение не прошло фейс-контроль. Ну, простите. То, что кто-то может себе позволить просто выкинуть кусок мяса, злит. Я бы в жизни этого не сделал, как бы плохо оно не было приготовлено, просто потому что знаю, сколько мне надо работать, чтобы его купить. Странно, никогда раньше в себе не замечал классовой ненависти, но прямо сейчас ее во мне через край... Я беру злосчастный поднос и молча выхожу из кухни. Хотя на самом деле у меня руки чешутся отшвырнуть тот от себя, забрать пацанов и слиться, даже если придется возвращаться в город пешком.

Пока меня не было, мальчишки устроили соревнования по прыжкам в воду. Налили – будь здоров. Вся палуба в лужах.

– Я вытру, извини... Ребят, поаккуратнее!

– Ничего. Оно само высохнет. Просто расслабься.

Ага. И получай удовольствие. Хмыкаю, ставлю поднос на бортик. Ребятня тут же подлетает к нему и начинает хватать угощения, будто из голодного края. А ведь они реально плотно поели. Ну, вот какого фига? С трудом гашу в себе очередное желание оправдаться. Оборачиваюсь и застываю с открытым ртом, потому что как раз этот момент Дина выбрала, чтобы раздеться. Смотреть там особенно не на что. И торможу я вовсе не из-за открывшегося моим глазам вида. А скорей от осознания того, что впервые более чем за год я нахожусь так близко с полуголой женщиной вне работы.

– Прыгай! Прыгай! – смеются пацаны.

– Нет. Тут не так глубоко, чтобы я могла прыгнуть, – улыбается Дина.

– Трусиха! – говорит Ник.

– Как все девчонки, – добавляет Данька.

– Эй! – Дина медленно погружается в воду, а потом исподтишка бьет ладонью по пузырящейся поверхности, окатывая мальчишек сверкающими в свете фонарей брызгами. Те возмущенно визжат. Орут: «Ну, берегись!» и принимаются бить по воде в ответ. В облаках поднимающегося от воды пара я вижу лишь их счастливые смеющиеся лица. Я знаю, что это чудовищно неправильно, но иногда меня так злит, что пацаны, не в пример мне, очень быстро вернулись к своей прежней жизни. Что они могут веселиться, могут смеяться и дышать в полную силу... Я не могу. Я не могу, черт его дери! Мне не живется, я будто в летаргии.

– Папа, давай же! Залезай!

– Нам нужна подмога!

– Что? Трое на одного?! – возмущается Дина.

– Да, это перебор, ребята. Я лучше выпью чая.

Лучше бы чего покрепче, конечно. Но позволить крепче я себе не могу. Хватит. Я и без того чуть детей не потерял из-за пьянки. Хотя, конечно, реальность переносилась гораздо легче, когда я не расставался с бутылкой. Нажравшись, можно было хотя бы поспать. Угу. И до утра не думать о том, что Лизы больше нет... Потому что с пробуждением все возвращалось. И боль, и отчаяние, и черная невыносимая тоска, затягивающая меня все дальше и дальше ко дну.

Пригубляю чай. А память утаскивает в тот день, когда я для себя решил завязывать с синькой.

– Отвали, Серый... Дай поспать...

– Не дам! Ты вообще себя в зеркало видел?!

– Уйди... А лучше сгоняй еще за бутылкой, – тянусь к валяющимся на полу брюкам, открываю кошелек, а там ни карты – я где-то ее просрал, ни денег. – Займи пару тыщ, а?

– Господи, что с тобой не так? – в отчаянии орет Серый.

– Что со мною не так?! Нет меня. Нет! Понял?! Сдох я... Вместе с ней сдох.

– Глупости не говори! Я знаю, тяжело, но... у тебя мелкие. Ты понимаешь, что их отберут?

– Кто отберет? Ты спятил?

– Опека! До твоих мозгов не доходит, что ты можешь потерять еще и детей?!

– Не могу, – качаю головой. – Я не могу их потерять. Я... то есть как это?

– Господи, Вакула... Соберись, а? Ты ж им не отец по бумажкам, так? Чужой дядя.

– Я хотел их усыновить.

– Хотел, не хотел... сейчас это к делу не пришьешь. Тебе в опеку надо дуть, пока они сами к тебе не нагрянули. Оформлять бумажки, все такое... А ты вместо того, чтобы заняться делом, синячишь. А может, и лучше, что пацанов у тебя отобрать решили? Ты же невиняемый сейчас, и бухой все время, какая у них будет жизнь?

Я тогда на Серого бросился. Мол, че он гонит-то? Хорошо хоть по пьянке я ему не смог причинить вреда. А вот Серый здорово меня приложил. И словесно, и физически. Я до конца дней ему благодарен буду за то, что он вправил мне на место мозги. С тех пор я больше не пил. Даже пива.

– Может быть, подлить коньяка в твой чай?

Я смаргиваю воспоминания и окунаюсь взглядом в темные глаза Дины. Она сидит по шею в воде и выжидательно на меня смотрит. Черты лица у нее мелкие. Необычный разрез глаз намекает на то, что, возможно, среди дальних ее предков были и азиаты. Об этом же говорят темные гладкие волосы. И тонкие губы сердечком.

Какого черта я на нее смотрю? Нет, не так. Почему я ее вижу? Смотрю-то я на всех, а уже через пару минут лиц не могу вспомнить...

– Я не пью.

– Правда?

– А что, тебе кажется, что маргиналы, вроде меня, непременно должны бухать?

Глаза Дины удивленно расширяются. Она лижет губы...

– Я не считаю тебя маргиналом. С чего ты это взял? Я просто хотела...

– Что?

– Сделать приятным для тебя этот вечер.

– Чтобы потом я сделал приятно тебе?

Господи, я не знаю, какого черта из меня лезет дерьмо. Но оно лезет. И вместо того, чтобы, по крайней мере, попытаться замаскировать эту кучу, я, напротив, упрямо подбрасываю в нее дрожжей.

– Для этого мне достаточно оплатить сеанс интимного массажа в захолустном SPA.

Ну, что ж, справедливо. Я же не думал, что она вот так все мне спустит? В конце концов, я вел себя как последний мудак.

– И что?

– Что?

– Ты собираешься его оплатить?

Мне бы уже заткнуться. Но я не могу уступить этой богатой сучке ни сантиметра. С чего? Почему? Да хрен его. Может, мне нравится чувствовать. Пусть даже ярость и злость. Это лучше, чем ничего...

– Нет. – Дина отворачивается и вылезает из джакузи, подтянувшись к борту на тонких руках. – Веселитесь. Ни в чем себе не отказывайте. А с меня, пожалуй, хватит.

Ну, и черт с тобой! Вали. Закидываю в рот орешек и яростно разжевываю, глядя ей вслед.

– Пап, а куда пошла эта тетя?

– Ее зовут Дина. И она пошла отдыхать. Нам, кстати, тоже пора.

– Но мы еще не накупались!

– У тебя уже волосы покрылись инеем. Давайте, вылезайте. Еще такси вызывать.

– Дина сказала, что нас кто-то отвезет.

– Не хочу ее беспокоить.

– Она же сама предложила.

– Ник! Слишком много разговоров! – отрезаю я. Пацаны переглядываются. Понурился, выбирают из джакузи. Я накидываю каждому на плечи полотенце и жестом велю, чтобы те шли в дом переодеваться.

Сам оглядываюсь. Понимаю, что если здесь не убратся, к утру вода замерзнет, и палуба вокруг джакузи превратится в каток. Беру полотенце и начинаю собирать расплескавшуюся воду. По крайней мере, Дина не обвинит нас в том, что мы оставили после себя свинарник.

Признаться, после всего я не ожидал, что она захочет нас проводить. И даже еще раз честно попытался вызвать такси. Но дозвониться не получилось. Дина выходит из дома как раз в тот момент, когда я в третий раз приложил трубку к уху.

– Готовы? Вас отвезет Борис. Вон там видите Гелик?

– Гелик? Ух ты! Пап, там правда настоящий Гелендваген. А можно я сяду вперед?

– Ни за что.

– Ну, вроде бы все. Я пойду. Доброй ночи.

– Угу. Спасибо за все. Я могу заправить тачку и...

Дина дергает плечом, отмахиваясь от меня, как от мухи. Понятно, ей мои гроши ни к чему. Но зачем так явно тыкать меня носом в это? Я снова какого-то хрена вскипаю. А она машет парням рукой и прячется в доме.

Глава 7

Дина

Дверь закрывается с тихим щелчком. Я бы не смогла ей шандарахнуть, даже если бы очень захотела. В руках, как и во всем теле, нет сил. Но это не та приятная усталость, которая обычно приходит после долгого сидения в джакузи. Абсолютно. Я и провожать-то их выхожу исключительно потому, что не хочу, чтобы этот мальчишка подумал, будто у него получилось меня достать.

Хотя... какой он мальчишка?

Папа! Папа...

Делаю шаг от двери. Туда, куда уже не добивает свет фар вырулившего на подъездную дорожку Гелика. Собираю волю в кулак и шагаю вверх по лестнице. Спальню наполняют густые тени. Я застываю у окна и наблюдаю за тем, как ночь торопливо спускается с гор. Как из-за них же выкатывается молодой полупрозрачный, словно мармеладная долька, месяц и ненадолго зависает в прорехе туч. Свет от него такой бледный, что ни черта не разобрать. Не разогнать наполняющую душу темень.

Кто бы мне сказал, какого дьявола я позволила себе так расклеиться? Уныние – это не то, на что я хотела бы тратить свою жизнь. Определённо. Когда оказываешься так близко к грани, как однажды оказалась я, начинаешь очень четко понимать её конечность. А осознав это, так же быстро понимаешь и то, сколько времени раньше тратил на ерунду. И как непозволительно много себя отдавал тому, что вообще не стоит внимания. Сам выдумывая проблемы и все усложняя, хотя на деле все хорошо, пока есть здоровье и живы близкие.

И вот теперь, когда я, казалось бы, все про эту жизнь поняла, когда научилась ценить каждое ее мгновение и проявление, ну какое мне дело до смазливового сопляка, которого я вижу, может, в последний раз? До того, что он обо мне подумает, и как он меня воспримет?

– Я просто хотела...

– Что?

– Сделать приятным для тебя этот вечер.

– Чтобы потом я сделал приятно тебе?

Он бил прицельно. И довольно безжалостно. А я... Что я лепетала в ответ? Зачем? У него же на роже было написано, что ему от меня ни черта не надо. Что он и общество-то мое терпит исключительно ради сыновей, которым у меня явно понравилось.

Хорошо, что хоть в конце разговора мне хватило ума поставить сопляка на место, бросив:

– Для этого мне достаточно оплатить сеанс интимного массажа в захолустном SPA.

Потому как это правда! Пусть не строит из себя невеста что. Для этого нет никаких оснований. И даже мой интерес, который я не смогла скрыть, им не является. В конце концов, мальчик он действительно привлекательный. Даже у Гарипова, очень пристально следящего за своей внешностью, нет таких мышц, такого пресса и косых... И таких невозможных глаз. В них падаешь, будто в небо. Ну и еще, конечно, его отношение к детям. Его трагическая история... Это тоже цепляет. Я ведь обычная женщина. И реакции мои тоже обычны. Все просто. Закрыли тему.

Переодеваюсь ко сну. Скидываю худи, ловлю свой взгляд в отражении зеркала. И не узнаю себя. Веду пальцами по шраму в форме перевёрнутого Y. Тут, наверное, надо признаться, что, несмотря на всю мою любовь к жизни и все те инсайты, о которых я писала выше, накрывает меня частенько. Порой кажется, что меня вообще нет. Я вся какая-то непривычно сгорбленная, будто поломанная... Пустота в заштопанной оболочке тела.

Ну вот. Приехали.

Зло сдуваю упавшие на глаза пряди, натягиваю старую застиранную и потому очень мягкую, приятную к телу футболку и укладываюсь в кровать. Терпеть не могу, когда на меня нападают подобные настроения. Каждый раз, как мародёры, исподтишка... Так-то я борец по жизни. Так-то я сильная. Но иногда, вот, находит. А сегодня сильнее, чем обычно. Отец бы сказал – плюнь и разотри. Так и надо сделать.

Отец... Как страшно мне его не хватает! Тем, кто я есть, я обязана только ему. Я была его поздним единственным ребенком. Наверное, поэтому его родительство было таким... осмысленным. Да, пожалуй, это самое подходящее слово. И по этой же причине мы так преступно недолго были вместе. Он ушел за несколько месяцев до того, как я сама едва не умерла. Идиоты-журналисты потом наперебой считали перепавшие мне по наследству богатства. И никому даже в голову не пришло, что я отдала бы все на свете, чтобы просто папа был жив. До них не доходило, что с его смертью я потеряла намного больше, чем приобрела. Не только отца, но и лучшего друга. Человека, на которого я всегда могла положиться. Того, кто для меня ничего бы не пожалел, не то, что мать. Папка бы и сердце мне отдал, если бы это понадобилось. А Федор... Он мне показался тоже хорошим отцом. Тьфу ты... И тут он! Зарываюсь лицом в подушку, а в ушах все равно звучит:

– И что?

– Что?

– Ты собираешься его оплатить?

Он, конечно же, о массаже. А у меня в голове тут же рождается идиотский, где-то уничижительный даже вопрос – а почему ему это так интересно? Вдруг он мной заинтересовался и хочет... Да нет же! Бред. Ну, какой бред! Я перед Федором, считай, полуголая расхаживала, но он едва на меня взглянул. Что ни говори, а мужской интерес виден сразу. Интересы у Феди ко мне ноль целых, ноль десятых. Если только не измерять этот самый интерес в денежном эквиваленте. Может, я и законченный циник, но версия о том, что Федор не прочь обзавестись новым, еще и таким выгодным клиентом, как я, звучит гораздо более правдоподобно, чем версия о его внезапно проснувшемся интересе, согласитесь.

С губ срывается невеселый смешок, который едва ли заглушает зудящий внутренний голос: «И что? Почему бы не стать этим самым клиентом, м-м-м? К взаимному, так сказать, удовольствию, в чем бы оно ни заключалось? Можешь себе позволить...».

– Ну, Динка... Ну, докатилась... – шепчу в подушку.

Не иначе Света во всем виновата. И ее бесконечные разговоры о том, как мне нужен мужик. А ведь пока она не трогала эту тему, я определенно ни в чем таком не нуждалась. Жила себе и жила. Дни складывались в месяцы, месяцы в зиму, весну и лето... Как вода, просачиваясь сквозь пальцы и не оставляя после себя ни переживаний, ни каких бы то ни было зарубок в памяти.

«И это жизнь? Ты уверена?» – интересуется тот самый въедливый голос. Я вынырываю из-под подушки, нащупываю на тумбочке эйрподсы, засовываю в уши и заглушаю шум в голове музыкой для медитации. К счастью, это помогает. Сделав несколько дыхательных упражнений, я засыпаю. Но приходит утро, а вместе с ним возвращаются и мои сомнения.

Выдержки мне хватает ровно на пару дней. В среду, едва дождавшись открытия SPA-салона, часы работы которого указаны на сайте, я звоню по указанному на нем же номеру. Трубку берут неожиданно быстро. Я даже не успеваю сформулировать свой вопрос.

– Лагуна-SPA. Администратор Рита. Чем я могу вам помочь?

– Кхе, – откашливаюсь. Горло вмиг пересохло. Я вообще не понимаю, какого черта творю. И чего добиваюсь. То, что я сейчас делаю – однозначно чистое безумие, но какая баба на моем месте бы удержалась? Утешаю себя тем, что мне просто любопытно. И единственный шанс отделаться от навязчивых мыслей о мальчике – удовлетворить свой интерес. Он даже этого не узнает. – Я бы хотела узнать... Кхм... Часы работы массажиста.

– Простите, как я могу к вам обращаться?

– Дина. То есть... Дана. Диана. – Я закусываю щеку, прикрываю динамик ладонью и сглатываю подпирающие горло ругательства. Ну что ж я за дура такая? Еще не хватало, чтобы о моем позоре узнали все! – Диана. Вы можете обращаться ко мне так.

– Очень приятно, Диана, – приветливо замечает администратор, но мне, как любому параноику, в ее голосе чудится чистой воды насмешка. – Вас интересует какой-то конкретный специалист?

– Я не знаю его фамилии, – ага, именно! Собственно, я и звоню, чтобы ее выяснить, ведь на сайте такой информации нет. – Но зовут его, если мне не изменяет память, Федор.

– Вакуленко? О, он очень востребованный мастер, но для вас я попробую что-то придумать.

Вакуленко, значит? Востребованный мастер?

Я сбрасываю вызов и отшвыриваю телефон в сторону.

Востребованный...

Ну, и черт с ним! Тоже мне. Чего я вообще так завелась? У него, вон, все хорошо. Запись... На неделю... на месяц вперед? Надо было уточнить для порядка.

– Дина Владимировна, – заглядывает в кабинет секретарша, – там вам из администрации снова звонят, – кивает на разрывающийся телефон. Я хватаюсь за тот, как за спасательный круг. Очень хорошо, что звонят. Очень вовремя. Мне как раз нужно переключиться. Обрести почву под ногами. Понять, какого фига со мной не так.

– По какому поводу? – артикулирую, поднося трубку к уху.

– По поводу строительства спортивного центра.

Ах, да. Мы же его спонсируем. А подрядчик вот уже который раз выходит за утвержденные сметой цифры.

– Дина Владимировна, добрейшее утро! Как же я рад, что, наконец, дозвонился. У нас полнейший завал!

Я зависаю.

– Степан Викторович, – понимая мое затруднение, бесшумно подсказывает секретарша. Я благодарно киваю. Обычно с запоминанием имен у меня проблем нет. Например, имя «Федор Вакуленко» я теперь вряд ли когда-то забуду. Вот, значит, как широко распространена эта фамилия! И какую важную роль в моей жизни занимают ее обладатели. Например, доктор Вакуленко спас мне жизнь. А его однофамилец... что? Да ничего. В том-то и дело. Но почему-то им под завязку набито мое настоящее. И все мои мысли о нем.

– Степан Викторович... – повторяю в трубку. – И что же приключилось на этот раз?

Как я и думала, речь идет о раздувающихся день ото дня расходах. Конечно, любой другой бизнесмен моего уровня обычно переадресовывает такие вопросы на многочисленных замов, ответственных каждый за свой фронт работ, но мой отец вел дела иначе. Он жил проблемами родного города, он общался с простыми людьми, и за это его в наших краях любили и уважали. Мне, конечно, до этого обожания еще далеко, но заведенным традициям я стараюсь не изменять и продолжаю движение по заданному отцом вектору.

Разговор с чиновником отнимает добрую четверть часа. Он бы мог тянуться и дольше, но собеседник как-то сразу понял, что навешать мне лапши на уши не выйдет, и очень своевременно тот свернул, сумев сохранить лицо, что не каждому дано, кстати.

После разговора у меня проходит большое совещание. Благо коронавирус научил нас всех эффективно работать на удаленке. Что для меня стало настоящей находкой. Потому что личные встречи – это всегда опасность для человека с подавленным иммунитетом. Хотя врачи, конечно, пытаются меня убедить, что этот риск мною сильно преувеличен, тут я не хочу испытывать судьбу и свожу свои контакты к минимуму необходимых. Может быть, поэтому вечер, проведенный с Федором и его мальчишками, оставил во мне настолько глубокий след, что я

то и дело к нему возвращаюсь? Может, мне просто стоит уделять больше времени общению с людьми? Друзьями, коллегами... Да с кем угодно? Ну, точно... Тут и к бабке ходить не надо. Вот прямо сегодня и начнем! Захожу в социальную сеть, где мы время от времени переписываемся в чате с друзьями. Но вместо того, чтобы его открыть, я ввожу в поле «Федор Вакуленко» и, прежде чем успеваю себя остановить силой воли, нажимаю на кнопку поиска. Его страница, не иначе как по насмешке судьбы, вываливается одной из первых в списке. И хотя приложение любезно мне сообщает, что Федор давным-давно не заходил в свой профиль, тот открыт для всех пользователей, и я сколько угодно могу скролить его ленту, читать подписи к фотографиям, рассматривать их... На большинстве из этих снимков запечатлена ОНА, и, наверное, поэтому они мне и видятся обрывками чужой, безвременно закончившейся жизни. Возможно даже, что не одной. Потому как, только увидев Федора на фотографиях, понимаешь, что здесь, в настоящей реальности, он скорей тоже мертв, чем жив.

Глава 8

Федор

Я экономлю на всем, кроме сыновей. А потому мои интересы в органах опеки теперь представляет один из лучших в городе адвокатов, специализирующийся как раз на таких делах. Вероятно, если бы не она, меня бы уже давно послали лесом. У нас в стране считается, что для детей лучше оставаться в спецучреждении, чем жить в неполной семье или, скажем, с молодым опекуном вроде меня. Собственно поэтому вначале мы приняли решение оформить опеку на бабушку Лизы, так было проще, а теперь она умерла, и мне... В общем, мне очень повезло, что у Татьяны Лаврентьевны масса связей во всех нужных мне инстанциях. Во многом именно благодаря им, а не заинтересованности чиновников в судьбе мальчишек, те все еще проживают со мной. Я очень хорошо это осознаю. И ценю, хотя в этом моменте я откровенно иду на прямой компромисс со своей совестью, которая мне подсказывает, что кумовство во всех его проявлениях – плохо.

Сегодня мне приходится подождать. Возле унылого кабинета в одном из самых старых деловых центров города (как я понимаю, семейное право – не самая прибыльная для юристов отрасль), кроме меня, ожидает приема то и дело вздыхающая пожилая женщина. Кажется, я ее уже видел однажды... Такие разные, в одном мы с ней почти близнецы – нас объединяет сковывающее тело нервное напряжение.

– Федор Алексеевич?

– Да! – подскакиваю со стула.

– Проходите.

Киваю. Прячу руки в карманы и снова их достаю, вспомнив наставления мамы, что это невежливо. Протискиваюсь через заставленный высоченными шкафами с антресолями коридорчик в небольшую приемную, где сидит древняя секретарша, и следом, не теряя времени даром, в кабинет адвоката.

– А вот и наш папочка! Здравствуйте, – комментирует мое появление адвокатша. Плавным размеренным движением очень полного человека стягивает с носа очки, прикусывает дужку зубами и поднимает на меня хмурый взгляд. – Умеете вы, Федор, удивлять.

– Добрый день. В каком это смысле? – туплю.

– Я про новости о попытке вручить вам повестку.

– Ах, это, – чешу в затылке. – Ну, я же имею право на отсрочку, как отец-одиночка, так?

– Конечно. Если бы вы им были.

Татьяна Лаврентьевна отбрасывает очки и тяжело поднимается из-за стола. Что-то в поведении этой обычно жизнерадостной женщины начинает не на шутку меня тревожить. Я подбираюсь весь, расправляю плечи...

– Но это же дело времени? Когда у нас суд? Двадцать второго? Вы же сами говорили, что дело осталось за малым. Простая формальность.

В ответ на каждый мой тезис адвокатша покладисто качает головой. Мол, да, так и есть. Но что-то в ее лице не дает мне перевести дух. Пахнет жареным. Я, пожалуй, еще не видел Татьяну Лаврентьевну такой, даже когда перепуганный до чертиков пришел к ней в первый раз и дрожащим голосом выложил той свою историю.

– Именно так все и обстояло. До того, как Петровна загремела в больницу.

– Это еще кто?

– Что значит, кто? Наш судья, Федор. Вам бы не мешало запомнить ее имя.

– Капустина, что ли?

– Так и есть. Любовь Петровна. Мы с ней в одно время университет оканчивали...

– Да-да, вы мне рассказывали, – нетерпеливо перебиваю я, помня о том, что о своих студенческих годах моя адвокатша может рассказывать часами, а у меня совершенно нет времени. И сил нет... ждать, когда же она, наконец, перейдет к делу и все мне объяснит. – И что теперь?

– Что теперь – зависит от председателя суда. Мужик он мерзкий, сразу скажу.

Мои мысли разбегаются. Холод размашисто лижет душу. Слова адвокатши доходят не сразу, постепенно проникая сквозь плотную завесу охватившего меня страха. Мозг с пробуксовкой обрабатывает полученную информацию, ничего не выдавая взамен. Меня охватывает странное оцепенение. Как предчувствие надвигающейся бури, когда вроде бы еще ничего не предвещает ненастья, но что-то такое тревожное уже витает в воздухе.

– Но что он может сделать? Есть же закон, и все такое...

– Ну, если опираться на закон, то тут у нас есть два варианта. Председатель на свое усмотрение может назначить нового судью, и это не очень хорошо, потому как я понятия не имею, кто нам достанется, или...

– Или?

– Он может просто перенести заседание. На практике так чаще всего и бывает.

Я с трудом выталкиваю расширяющийся в легких кислород. Горло, перехваченное болезненным спазмом, саднит.

– Так это же не страшно, так? А я-то думал... Господи, ну и напугали же вы меня!

– Хм... Я бы не стала этого утверждать. Мы же не знаем, как надолго суд перенесут. А если тебя за это время загребут? Ты не думал, Федор?

– В армию? – провожу ладонью по закаменевшим мышцам шеи. – Нет. Нет... Не загребут. Я что-нибудь придумаю.

– Например? А если в дело добавят характеристику из военкомата?

– Я не пойму... Вы что мне предлагаете?

– В том-то и дело, что я понятия не имею, как быть!

– Может, мне уехать? Залечь на дно, я не знаю.

– Ага, перед судом. Ничего лучше ты не придумал?

– Я просто не знаю, как лучше! – и снова я в отчаянии повышаю голос, хотя обещал держать себя в руках. В конце концов, я взрослый мужик, и такое поведение явно мне не к лицу. Но держать эмоции в узде все труднее. Я так чертовски устал! От всего. Я так дьявольски, нечеловечески устал. Жить за нас двоих... Сражаться за нас двоих. Со всеми.

Ноги подкашиваются, как у гребаной томной барышни. Оседаю на стул. Приставляю козырьком к глазам ладонь, свет флюоресцентных ламп становится невыносимым.

– Федор...

– Извините. Я понимаю, что вы ни в чем не виноваты. Я не имел права орать и...

– Орать? – Татьяна Лаврентьевна хмыкает. С шумом выдвигает ящик стола, достает пачку сигарет и с удовольствием закуривает. – Да с такой жизнью это что? Тут загавкаешь скоро.

– Да... Да.

Не знаю, что и добавить. Хочется сказать, что это, наверное, ничего. Я и не с таким справлялся. Что-нибудь придумаю, выкручусь. Непременно. Только надо заткнуть глотку страху, что навалился стылой глыбой на грудь, придушив до тошноты.

– Послушай, я тут навела кое-какие справки. Знаю, это выходит за рамки моих полномочий, но...

– Вы о чем?

– О вашей семье.

С тех пор как Лизы не стало, моя семья – это я и мальчишки. Поэтому то, на что намекает Татьяна Лаврентьевна, я понимаю, лишь когда она добавляет:

– Сами посудите. Это ж не последние люди, Федор. Думаю, ваш отец не откажет вам в помощи. Наверняка он может как-то повлиять на ситуацию...

– Исключено.

Я встаю, потому что единственный вариант, который мне предложил адвокат, определенно нерабочий. Да, отец с матерью могли бы отмазать меня от армии, восстановив в универе задним числом. Но факт в том, что если меня и надо отмазывать, то только ради детей. В то время как главное условие моих стариков – чтобы я и думать о тех забыл. Они четко это дали понять в нашу последнюю встречу. Выходит замкнутый круг.

– Но почему? Я не понимаю.

– Они мечтают, чтобы я отказался от Данила с Никитой. И уж, конечно, не станут мне помогать с их усыновлением. Я придумаю что-нибудь. Сообщите, когда станет понятно, что там у нас с судом. На какую дату перенесутся заседание, и все такое. Мне нужно составить рабочий график... – пожимаю плечами.

– Вы же понимаете, что я сделаю все от меня зависящее, – беспокоится Татьяна Лаврентьевна, нервно теребя бусы. Даже не знаю, какой у них диаметр, шея-то у любительницы украшений – с мое бедро. Если не больше.

– Конечно. Я очень благодарен за все.

Следующие несколько минут выпадают из моей памяти, как мелочь из дырявого кармана. Я возвращаюсь в реальность от тычка в бок. Тру ушибленное место, провожаю взглядом настырную бабку, пробивающую себе дорогу к выходу из автобуса. Сквозь налипшую на окно грязь с трудом различаю контуры города. Не могу даже понять, на какой остановке находимся, никто ж не берет на себя труд их объявлять. До работы еще добрых полтора часа, я не знал, насколько затянется наша встреча с юристом, поэтому освободил первую половину дня. У меня так долго не было ни минуты свободного времени, времени исключительно на себя, что теперь, когда то появилось, я понятия не имею, чем бы его занять. Поэтому когда в распахнутых настежь дверях выхватываю взглядом знакомую вывеску, кричу водиле:

– Постойте. Это моя остановка! – и под его недовольное бурчание, мол, где ты раньше, мутило такой, был, выскакиваю на дорогу.

В ресторане, где работает Сашка, меня все знают, иначе бы хода туда мне не было. Местечко здесь элитное. Не зря же Дина выбрала именно его для посиделок с друзьями.

Дина... По прошествии нескольких дней я понимаю, что вел себя с ней непозволительно грубо. Если бы я мог чувствовать хоть что-то, если бы я был в принципе способен на чувства, меня бы, наверное, замучила совесть. Но сейчас даже она молчит. И воспоминания о том дне скользят по задворкам памяти бледными размытыми тенями.

– О, Вакула! Какие люди, – машет друг из-за стойки. – Как тебя сюда занесло?

– Да вот. Был у адвоката неподалеку. – Засовываю руку в задний карман джинсов, достаю потертый кожаный бумажник и вытаскиваю несколько купюр: – Спасибо, что выручил.

– Так ты только чтобы отдать долг? Не надо было. Правда. Я ж сказал. Все ок.

– Не только, – морщусь я, чтобы поскорее закрыть эту тему, – что, я не могу заскочить к другу чего-нибудь выпить? – Саня застывает, не донеся грязный шейкер до мойки. Понимая, какое направление приняли его мысли, я закатываю глаза: – О, да ладно тебе. Я про кофе.

– Это – всегда пожалуйста! – радуется друг. – Мих, забавай Федю свой фирменный, – обращается к бариста.

– У меня нет зависимости, – зачем-то поясняю для Сашки. Тот отмахивается:

– Да знаю я. Просто... как тебе это объяснить? Нам спокойнее, когда ты...

– Трезв?

– Ага. – Видно, что Сане обсуждать эту тему так же неловко, как было бы и мне, если бы я, опять же, хоть что-нибудь чувствовал... Вот почему он спешит сменить тему: – Так когда тебя можно будет поздравить?

– С чем?

– С официальным званием бати?

Вопрос не в бровь, а в глаз. Я бы сам хотел знать на него ответ. Такое чувство, что когда дело касается этого, срабатывают все законы подлости сразу. Я усаживаюсь на высокий стул. Пододвигаю к себе чашку с кофе.

– Хрен его знает. Тут такие дела... – пригубляю и удивленно вскидываю брови: – Ты что, нафигачил сюда сиропа?

– Угу, амаретто. Подсластить тебе жизнь.

Перекаत्याю обжигающе-горячий напиток на языке. Как ни странно, получилось действительно вкусно. А может, я и впрямь нуждаюсь в подсластителях. Киваю с одобрением и неожиданно даже для себя рассказываю Сане все, как есть. И про суд, что тот снова в лучшем случае перенесут, и про армию, и про батю... Мы с Саньком дружим с детства, и он очень хорошо знает мою семью, так что...

– Может, твоя адвокатша права? И тебе действительно стоило бы поговорить с отцом? Ну, знаешь, типа по-мужски?

– Да не получается у нас по-мужски. Он никогда не говорит со мной с позиции равного. Хотя... в этой ситуации это неважно. Ради пацанов я бы сделал все, что угодно. Стерпел. Просто... Ты же знаешь, как он к ним относится. Как он относится... относился (каждый раз я вынужден мучительно себя поправлять) к Лизе. Если он опять скажет про нее какую-то гадость, я даже ради малых не сдержусь.

Сашка висит, что-то прикидывая в своей тупой голове. Я цежу кофе. Но даже горячий напиток не способен меня избавить от ощущения застывшей в животе ледяной глыбы.

– Ну, а кроме? – выдает Санек после долгой паузы, – у тебя есть к кому обратиться? Ну, тетки, дядьки, кто-то серьезный? Кто смог бы все порешать?

– Да нет у меня никого. Кому нужны чужие проблемы?

И тут Саня выдает, наверное, самый неожиданный вопрос из всех возможных:

– А Дина?

– Какая Дина?

– Довгань, – закатывает глаза Санек.

– А она тут каким боком?

– Ну, вы вроде бы познакомились... И это... Она так на тебя пялилась... – играет бровями этот придурок. – Как будто хотела тебя сожрать.

– Ты совсем идиот? – сощуриваюсь я. – Да мы и незнакомы почти!

– Послушай, я не собираюсь лезть не в свое дело, но ее Гелик видели у твоего дома и...

– Да она просто меня подвезла!

– Дина Довгань? Вот просто взяла и подвезла?

Я вскакиваю. То, что мой лучший друг допустил мысль, будто я могу так быстро забыть Лизу, поднимает в душе смрадную осевшую давним-давно муть.

– Послушай, мы вместе были на пикнике... Вы уехали с Соболевом и ко, я не смог вызвать такси. Пацаны замерзли, она просто мне помогла!

– Ну, помогла и помогла. Чего орать-то?

Я с шумом выдыхаю. Отвожу глаза и встречаюсь взглядом с собственным отражением в зеркальных витринах бара. Выгляжу я по-настоящему бешеным. Кулаки сжаты, толстая вена пульсирует на шее, темное от пробивающейся щетины лицо еще больше почернело от прилившей к нему крови... И я даже сам себе не могу объяснить, с какой стати действительно так завелся. Подумаешь, Санек и до этого какой только пурги не гнал. По-ду-ма-ешь...

Глава 9

Федор

– Ну, наконец-то!

– Я примчался, как только смог. Где он? – диковато озираюсь. В спорткомплексе полно народу, туда-сюда снуют мальчишки. Тренировки здесь аж до десяти проходят. Последними занимаются взрослые мужики, из тех, кто настолько любит погонять шайбу, что готов заниматься этим, даже отмантулив смену в горячем цеху. Впрочем, может, в этом ничего удивительного как раз и нет. У этих ребят вообще не так уж много радостей. Или бутылка, или клюшка. Иногда и то, и то...

– Да ты так не волнуйся, Федь, – идет за мной по пятам тренер. – С парнем твоим все нормально. Подумаешь, лоб расшиб. Просто у нашей медички какое-то семейное мероприятие намечается, то ли у отца юбилей, то ли годовщина свадьбы у родителей...

– Ага... – бросаю на ходу, досадуя, что Иваныч никак не перейдет к делу.

– Ну, вот она и кипишует. Что, наяривала тебе, да?

– Семь раз звонила.

– Вот же бабы! Все они норовят преувеличить.

Может, и так. Но я не успокоюсь, пока не удостоверюсь, что с Данькой все в порядке. Толкаю хлипкую дверь с криво прибитой табличкой «медпункт». Комната большая, вся в белоснежной, натертой до блеска плитке. Знакомо пахнет хлоркой и чем-то больничным, не подпадающим описанию, но знакомым каждому, если спросить.

– Папа! А Данька бровь рассек! – вскакивает с кушетки мне навстречу Ник. Как правило, из этой парочки именно он собирает все шишки. Но тут отличился обычно осторожный Данил, и это только лишний раз доказывает, что и на старуху бывает проруха.

– Явились! – недовольно комментирует врачаха, стаскивая с себя медицинский халат. Хорошо хоть под ним у нее имеется другая одежда. В противном случае я бы вряд ли оценил происходящее. Очевидно, когда Даньку сюда привели, бабенка уже находилась на низком старте. Не то чтобы я ее осуждал. Зарплаты здесь нищенские, за такую уж точно не хочется работать сверхурочно вечером пятницы.

– Приехал сразу, как смог, – бросаю я и шагаю к насупленному Данилу. – Ну, как ты тут, чемпион?

– Нормально.

Киваю. Но на слово ему не слишком-то верю. Мне очень важно самому убедиться, что с моим сыном все хорошо. Я присаживаюсь перед ним на корточки и осторожно ощупываю пальцами набрякшее веко.

– Эй! Послушайте, что вы делаете?! Уберите руки от повязки!

– Я ваш коллега, – отмахиваюсь от врачахи, – просто хочу посмотреть.

Та не находится с ответом. Стоит, в немом возмущении шевеля густо намаженными губами.

– Ай! – шипит Данька, когда я резким движением отрываю пластырь. На его глазах выступают предательские слезы. Он шмыгает и тыльной стороной ладони сердито вытирает нос. Мальчишки не плачут... Этому их учат на хоккее. Сколько я не пытаюсь убедить своих ребят в обратном, такая истина им намного милей. Вероятно, потому, что от нее веет настоящей пацанской крутостью. Или, может, все дело как раз состоит в том, что я и сам никогда не позволял себе плакать. При сыновьях так точно.

Дую на рану, которая выглядит совершенно не страшно. Врачику как следует ее обработала. Да и перевязала отлично. Даже я не смог бы лучше, видно, опыт в этом деле у медички

немалый, что немудрено, учитывая место ее работы. Данька явно не первый и не последний пострадавший спортсмен.

– Спасибо. Все хорошо, – комментирую я. Врачиха громко фыркает, но ее взгляд помимо воли теплеет. В нем просыпается интерес. До которого мне, в общем-то, нет никакого дела. Я его просто отмечаю. Как что-то незначительное. Как погоду или замаячившие на календаре праздники. Понимаю я и то, что могло привлечь ее внимание. Сорвался-то я посреди тренировки. Даже переодеться не успел. Так и примчался в спортивных лосинах и майке с большими вырезами, оставляющими открытыми плечи и хорошо прокачанные мышцы спины. Кроме прочего, я подрабатываю инструктором в спортзале. Отсюда и мой рельеф.

– Думаете, сотряса нет? – чтобы как-то отблагодарить врачиху за терпение, делаю вид, что ее мнение для меня хоть сколько-то значит.

– Нет, конечно. Если бы у меня имелись сомнения, я бы давно вызвала скорую!

Я киваю, но на всякий пожарный все равно интересуюсь у сына:

– Не тошнит? – Данька отрицательно трясет головой, при сотрясе фиг бы так у него получилось. – Голова не болит? Нарушений сознания не наблюдается? – глаза мелкого комично расширяются, и он снова ведет головой из стороны в сторону. На этот раз медленнее. – В пот бросает?

– Да нет же, пап! – теряет терпение сын. – Пойдем домой!

– Ну, бледности я тоже не замечаю. Так что, может быть, и пойдем. – Поднимаюсь. – Еще раз всем большое спасибо. И тебе, Иваныч. Ник, принесешь ваши куртки?

– Вот же они!

– Тогда одевайтесь. Я вызову такси.

Экономить сейчас точно не время. К тому же Даньке не следует трястись в раздолбанной маршрутке, даже если с его головой, на первый взгляд, все в полном порядке.

Уже через пару минут выходим из спорткомплекса. На улице накрапывает мелкий по-осеннему холодный дождь. Накидываю капюшон, киваю на ворота и торопливо шагаю через окружающий спорткомплекс парк, за каким-то чертом обнесенный высоким забором. Пока идем, болтаем о том о сем. Данька рассказывает, как так вышло, что он пропустил бандитскую пулю. И все вроде бы неплохо. Все живы и почти здоровы. Но низкое небо все равно как будто давит на плечи. Разбухшие от влаги тучи тяжелы...

– Пап, а пиццу мы сегодня закажем? – интересуется Ник, когда мы усаживаемся на заднем сиденье такси. Удобней бы, конечно, было, если бы я сел впереди, но мне нравится сидеть с сыновьями, нравится чувствовать их острые локти, трогать отросшие челки и дышать духом взмысленных мужичков. В нем столько жизни! А до подросткового возраста, когда этот аромат станет совершенно не таким приятным, им еще, слава богу, далеко. Все мы в курсе, как пахнет мужская раздевалка после тренировки.

– Конечно. Это же наша традиция, – вместо меня отвечает брату Данька.

– Вот именно, – криво улыбаюсь я.

– А вы с мамой всегда-всегда заказывали пиццу, когда мы болели?

Они знают это наверняка, но все равно почему-то каждый раз спрашивают... Я киваю, прикусывая щеку до боли.

– А расскажи!

– Что рассказать? – сиплю, сделав вид, что не понимаю вопроса.

– Как вы с мамой ели пиццу первый раз.

Это повторяющаяся история. Я ведь говорил? Но все равно каждый раз я будто налетаю на невидимый для других заслон. И от удара мои легкие лопаются, а сердце в опустевшей клетке груди становится большим-пребольшим, увеличиваясь, кажется, в несколько раз от напитывающей его бесконечной неиссякаемой боли.

Я не хочу через это все проходить. Я не могу не проходить снова и снова... Глаза бегают. Ловлю взгляд водилы в зеркале заднего вида...

– Да! Расскажи, – соглашается с братом Никита.

– Кх... Ну, вообще-то это должно было быть наше первое свидание.

– А мы заболели!

– Вот именно.

– Эй! Не перепрыгивай! Я хочу всю историю целиком! – Данил тычет брата в бок.

– Ты же уже это сто раз слышал, – вздыхаю. Боль смешивается с кровью и выталкивается в вены, концентрируясь все сильнее с каждым ударом сердца.

– Я уже все забыл.

– Провалы в памяти – симптом сотряса. Может, нам все же в больничку надо, а не пиццу? – вымучиваю улыбку.

– Нет! – в один голос орут пацаны. – Только не это!

– Подумаешь, какая-то царапина. Ему даже швы не стали накладывать, – добавляет Никита.

– Врачиха сказала, что еще немного, и их пришлось бы наложить, – выпячивает грудь Данил, явно не готовый признать, что его ранение – пустяковое.

– Но ведь не пришлось! В том-то и дело. Пап, ну расскажи!

– Про наше первое свидание?

– Ага! – два синхронных кивка.

– Ну, это было непросто.

– Пригласить ее на свиданку?

– Угу. У Лизы уже были вы, и мне пришлось здорово постараться, чтобы составить вам конкуренцию. – Ник с Данькой шкодливо хихикают, прикрыв ладошками щербатые рты. – Я едва сумел ее уломать пойти со мной в кафе. И то пришлось ждать почти полмесяца.

– Полмесяца! – стонет Никита.

– Ага. Представляешь, какая у меня была нетерпличка? Ужас. И тут, наконец, приходит час икс. Я весь расфуфырился – мама дорогая. Купил цветы.

– Белые розы.

– Да, белые. Потому что нашел на странице у вашей мамы фото, где она была именно с ними, и какого-то фига решил, будто именно эти цветы ее любимые...

– Но она любила ромашки.

– Все ты знаешь! А вот человек, который ей тот букет подарил, – смотрю по очереди на сыновей и понимаю, что никогда, наверное, не признаюсь им, что этим самым человеком был их биологический отец, – не знал ее совершенно.

Ага. Он только и мог, что пускать пыль в глаза, а на деле никогда особо не интересовался ни Лизой, ни, тем более, ее предпочтениями.

– И вот она открывает дверь, я сую ей эти чертовы розы... А ваша мама, не спеша их принимать, говорит мне, мол, извини, но, боюсь, сегодня ничего не выйдет.

– И в этот момент я заплакал, – довольный собой кивает Данил.

– Нет, заплакал Никита. А ты наделал в штаны. Лиза не надевала тебе памперс, в нем было жарко, и это не очень хорошо, когда и так высокая температура.

– И что дальше?

– Что-что... Ты же помнишь, какой была ваша мама? Конечно, она тут же и думать обо мне забыла. Помчалась на плач, оставив открытой дверь. Заходи кто хочешь...

– Ты и зашел! – смеется Данил.

– Угу. И пока она пыталась утешить Ника, я решил помочь ей с тобой, – гляжу на Данила.

– А я?

– А ты моего порыва, похоже, не оценил.

– Почему это?

– Потому что ты обоссал папку, ты что, забыл, что ли? – фыркает Ник. А я смеюсь. Да-да, иногда все же боль отступает настолько. Но всегда возвращается вновь.

– Не обоссал, а пометил. Так мне мама всегда говорила.

– Что?

Этого я никогда не слышал. Ни от Данила, ни от Лизы тем более. И поэтому я весь вскидываюсь, жадно подаюсь вперед в тесноте салона... Я, как наркоман, в себя впитываю любую новую информацию о ее жизни, как будто это укрепит нашу потихонечку истончающуюся со временем связь.

– Мама говорила, что так я тебя пометил. Ну, типа как сделал своим. И еще Никиты... Ты же потом так и остался с нами.

– А, ну... – я провожу дрожащими пальцами по волосам. – Да, где-то так и было.

Два следующих дня я точно провел вместе с Лизой. Помогал ей, пока мелкие болели. Если честно, это был просто предлог. Лиза и без всякой помощи прекрасно справлялась со своей ролью матери. Иногда она в шутку обвиняла меня в том, что таким образом я пытался произвести на нее впечатление. Ну, типа, набрать очков – гляди, какой я офигенный. Я, смеясь в ответ, интересовался, мол, и как, получилось? Лиза улыбалась ямочками на щеках, так игриво, так ласково... Так многозначительно. Ой, все с тобой понятно, Вакула, напрашиваешься на комплимент. А я, конечно, ни на что не напрашивался. И ни в коем случае не пытался ничего доказать. Я на радостях, что она на меня обратила внимание, так отупел, что подобные хитроумные схемы вообще были мне не под силу. Я просто... не мог. Не мог больше от нее уйти, и все. Я с тех пор вообще ничего без нее не мог делать. Зачем, если без Лизы ничего в принципе не имело смысла? И сейчас не имеет, по правде. Просто... как объяснить? Жизнь должна идти дальше. Мне все повторяют этот опостылевший постулат. И я стараюсь, чтобы она шла. Она и идет по сути, но будто сквозь меня. Не знаю, как объяснить лучше.

– Пап...

– М-м-м?

– А когда ты нам станешь папой, ну... по документам?

Я резко поворачиваю голову, впиваясь взглядом в лицо Никиты, но краем глаза успеваю уловить полный плохо скрытого любопытства взгляд таксиста.

– По документам? А что это изменит?

– Не знаю. Наша училка говорит, что многое.

– Что ты нам вообще не папа! – возмущенно добавляет Данька.

Вот же... сука. Это что, такой новый педагогический подход?

– Знаете что? Ни черта эта ваша училка не понимает.

– Я так ей и сказал, – радостно замечает Никита.

– Та-а-ак. И что это означает? Что меня опять вызывают к директору? – пытаюсь свести все к шутке. Но Данька с Ником виновато переглядываются, и я стону:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.